

ЛАРИСА

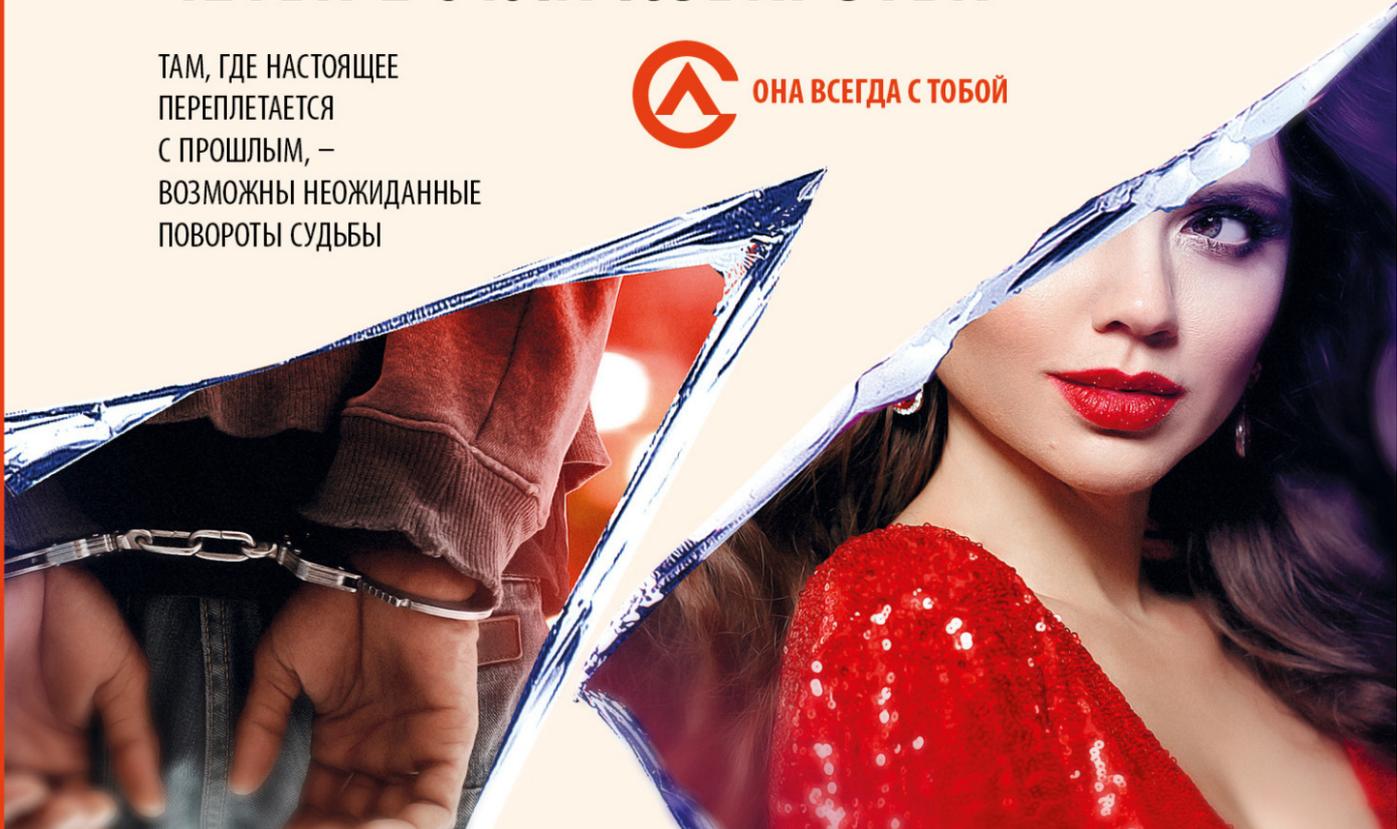
СОБОЛЕВА

ЧЕТЫРЕ УГЛА КОВАРСТВА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, –
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

ОНА ВСЕГДА С ТОБОЙ

Она всегда с тобой. Детективы Ларисы Соболевой

Лариса Соболева

Четыре угла коварства

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л. П.

Четыре угла коварства / Л. П. Соболева — «Издательство АСТ»,
2023 — (Она всегда с тобой. Детективы Ларисы Соболевой)

ISBN 978-5-17-154782-0

Группа Павла Терехова занимается новым делом: произошло убийство в частном секторе. С самого начала у Павла голова идет кругом. Феликс, друг и коллега, задержан по подозрению в убийстве, все улики против него. Неожиданно на пороге появляется бывшая жена Лора и привозит шестилетнего мальчика. Уверяет, что это сын Терехова. Итак, Павлу предстоит решить четыре проблемы. Убийство – найти настоящего преступника необходимо как можно скорее. Судьба Феликса – нужно снять с него ложные обвинения. Лора – зачем она приехала и лжет? И что делать с ребенком, который называет Павла папой и, кажется, искренне полюбил? Все это очень осложняет жизнь, но Терехов не из тех, кто сдастся!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154782-0

© Соболева Л. П., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лариса Соболева

Четыре угла коварства

© Соболева Л., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Часть первая

Внезапность – как удар дубиной

– А вот и я! Здрасьте!

Зоя Артемовна никогда не понимала выражения «отвисла челюсть», разного рода вульгарисы она терпеть не могла ни в поведении, ни в одежде, ни в речи и дальше по списку, но! Открыв дверь, до нее дошло значение. То, что она видела перед собой, ввергло ее в ступор, отчего челюсть, без сомнения, отвисла, так как отяжелела и не двигалась, просто чужой стала.

– Не узнали меня, Зоя Артемовна?

Как же, как же! Этот красный рот, растянувшийся в искусственной улыбке до ушей, эти лисьи глазенки, готовые скушать и не подавиться, а также личико аферистки невозможно забыть. Наконец челюсть задвигалась, а то уж думала, паралич хватил. Зоя Артемовна выговорила настороженно, растягивая слова от истинного потрясения:

– Почему же, узнаю...

– Извините, я сюрпризом. Вы хоть впустите нас.

Зоя Артемовна собралась захлопнуть дверь перед носом бывшей невестки, но... из-за Лоры выглянул белобрысый и худенький мальчуган лет семи.

– Тимоша, поздоровайся с бабушкой, – поспешно подсказала мальчику Лора. Видимо, нутром почуяла, что бывшая свекровь сейчас скончается от «счастья», видя перед собой нежеланное явление, а смерть и последствия не входили в ее планы.

– Здравствуйте, бабушка Зоя, – сказал очень серьезно мальчик.

Первое впечатление от Тимоши – ребенок хороший, но Зое Артемовне не до него, внутри нее все клокотало, сопротивляясь внезапному явлению, а сердце заходило от дурных предчувствий. Ну не может Лорик предстать пред очами лишь для того, чтобы показать свою улыбку и выпить чайку с пряником в память о прошлой нервотрепке. Эта особь ничего просто так не делает.

– Нам можно войти? – изобразив на лице растерянность, спросила Лора. – Мы очень устали, хотим пить... а Тима еще и голоден.

Зоя Артемовна перевела взгляд на ребенка, не могла она обидеть мальчика, прогнав вместе с Лорой и его, но и выговорить единственное слово «заходите» не получилось, оно застряло на языке. Она молча отступила, нехотя открыв дверь. Лора втащила два чемодана на колесиках и большую сумку, кажется, надолго запланировала остаться, ну, это она зря придумала. Ох, если б не ребенок, бывшая невестка... Страшно подумать, что с ней могла сделать бывшая свекровь, которая никогда не лезла в отношения сына с женой, если эту выдру можно так назвать.

В прихожей Лора сняла рюкзачок с плеч худенького Тимы, затем довольно легкую курточку, а ведь холодно – октябрь подходил к концу, и спросила, где можно руки вымыть. Она что-то весело лепетала в ванной под шум льющейся воды, а Зоя Артемовна задавалась вопросами: «Зачем она приехала? Что ей нужно? Как узнала адрес?» Но вот неожиданные гости вышли из ванной.

– Проходите на кухню, – указала направление Зоя Артемовна обреченным жестом, законы гостеприимства приказывают накормить ребенка.

Разумеется, перед этой... она тоже поставила тарелку – пусть ест, черт с ней, может, станет сытой и уберется. И поймала себя на мысли, что зря в Доме детского творчества ее называют самой выдержанной и доброжелательной, сейчас она едва сдерживалась, а доброжелательности по отношению к Лорику не может быть по определению. Однако ребенок отвлек, он ел с большим аппетитом, видно, стерва Лорка держит его на диете, с нее станется. При мальчике

Зоя Артемовна, педагог со стажем, не могла задавать неудобные вопросы, она дождалась, когда он поест, выпьет компот с булкой и встанет со словами:

– Спасибо, бабушка Зоя, было очень вкусно. Можно я за компьютером посижу?

«Бабушка» открыла было рот, чтобы отказать, но... За комп сына Павлика никому нельзя, а она сама как раз работала, куча окон интернета и файлов открыто, стол завален записями от руки, там только ребенка не хватало, но ее опередила Лора, погладив мальчика по щеке:

– Конечно, милый, ноутбук в большой сумке, сам возьми... Зоя Артемовна, где Тимочке расположиться?

Эту заразу нельзя оставлять одну, вилки утащит и на голубом глазу скажет, что их не было, однако хмурая хозяйка поднялась:

– Идем, Тима, я покажу тебе очень удобное место. А ты? – повернулась она к Лоре. – Не поможешь ребенку с компьютером?

– Да он знает комп лучше меня и вас, – заверила та. – У Тимочки к точным наукам способности выше среднего.

Значит, стащит вилки, преследовала дурацкая мысль хозяйку. Она отвела Тиму в гостиную, усадила его в кресло перед журнальным столиком, убедившись, что он лихо справляется с ноутбуком, вернулась на кухню. Настало время поговорить с вторжением реанимированного зла в их с сыном жизнь, и, садясь напротив бывшей невестки, Зоя Артемовна приступила к допросу:

– Где ребенка взяла?

– Это мой сын! – с торжествующей интонацией выдала та.

– Да ну, – усмехнулась Зоя Артемовна, что означало: врешь.

– Да, Тимофей мой сын и... Павлика.

Челюсть Зои Артемовны второй раз буквально отскочила, и это вовсе не фигура речи. Понадобилась пауза, чтобы собрать разрозненные мысли, которые едва не взорвали голову, реакция бесконтрольной оказалась и в форме эдаких невеселых смешков, еще бы – от такой-то новости:

– Ха!.. Ха-ха... Ха-ха-ха...

– Я думала, вы обрадуетесь внуку, – поникла Лора.

Зоя Артемовна налила себе чаю и в упор уставилась на гостью... Что ж, Лорка выглядела неплохо, можно сказать, почти не изменилась – глаза золотистые, волосы смоляные, кожа белая, губы алые, впрочем, губы в помаде. Короче, яркая, с соблазнительной фигурой (а не костями в кожаном мешке), сексапильная, хищная, а мужики от хищниц, говоря современным языком, тащатся. Так ведь и сына Павла поймала на внешность, на женские коварные штучки, на умение прикинуться любящей овечкой, а Зою Артемовну не смогла обмануть. Наконец-то она сообразила, чем охладить бывшую невестку:

– Не разыгрывай передо мной любящую мамочку, я твои приемы актерского мастерства изучила и не поддаюсь больше жалостливому скулежу. Представить тебя матерью... тем более семилетнего мальчика...

– Тимочке шесть, точнее, скоро семь.

– Неважно. Думаешь, я поверю, что это сын Павлика?

– А чей же? – ничуть не смутилась Лора.

– Не знаю, – в ее же духе ответила беспечным тоном Зоя Артемовна, чуть-чуть придя в себя от первого и второго шока. – Да, ты могла его родить, но от другого, иначе прибежала бы еще шесть лет назад требовать денег и половину квартиры. А могла взять напрокат, могла попросту украсть, меня ты ничем не удивишь.

– Да посмотрите же, Тимочка похож на Павлика, просто вылитый, – заверила Лора, смеясь. – Я приехала познакомить его с сыном.

Зоя Артемовна скосила глаза в сторону выхода из кухни, борясь с искушением помчаться в гостиную, чтобы изучить и сравнить мальчишку... А ведь действительно: белобрысый, уши торчат... «О, боже, боже... – застонало все внутри. – Он и правда похож... Нет-нет-нет! Не может этого быть, не может».

– Зная ваше отношение ко мне, – в то же время щебетала Лора, – я не хотела ставить вас и Павлика в известность. – Но Тимочка подрос и стал спрашивать, кто его папа, я говорила правду ему: мы с твоим папой расстались. Детям всегда нужно говорить правду, согласны?

Но свекровь и бровью не повела, она мумифицировалась, уставившись на гостью немигающими глазами, как удав, и ожидая эпического сказания, достойного пера Достоевского, которое привело экс-жену сына в этот дом. Лора подготовилась к неласковому приему, поэтому реакция Зои Артемовны не смущала ее, она барабанила текст, написанный бульварным романистом:

– Но однажды я прочла статью... случай ужасающий! У молодой пары родился ребенок, через какое-то время выяснилось, он болен. Не помню, чем точно, но это и неважно. А при врожденных заболеваниях берут анализы и у родителей, так выяснилось, что они родные брат и сестра, представляете? В смысле родители родные... Ужас какой, а? Их папочка погулял вволю, сделал ребенка на стороне, не исключено, что не одного. А дети, став взрослыми случайно встретились, влюбились, поженились... Кто знает, сколько детей страдает от недугов из-за чьей-то распушенности.

– Не помню, чтобы ты была образцом нравственности, – сухо вымолвила Зоя Артемовна с каменным лицом.

– Люди меняются. – У Лорика на любые замечания готов ответ. – А когда появляются дети, весь мир становится другим. (Лирическое отступление не воздействовало на свекровь.) В общем, кармическая история напугала меня, да-да, напугала! Вдруг и с моим сыном случится подобное? Тогда я и решила познакомить Тимочку с отцом, понимаете? Вам как никому известно, каково воспитывать ребенка без отца, верно?

М-да, дело прошлое, но ничего не забывается, да и помнится в основном плохое. Муж ушел к другой, Пашка уже все понимал и был зол на отца, потом любовница бросила бывшего, муж стал искать встреч с сыном. Зоя Артемовна с трудом уговорила Павлика не отвергать отца, который стал активно ему помогать, даже образование помог получить. А перед смертью разделил свое имущество поровну: ей – в благодарность, сыну – в наследство; его друзья устроили Павла в Следственный комитет, фактически он занял место своего отца, помогли и ей с работой. Вот такая тривиальная история, ударившая по нервной системе его самого – рано ушел из жизни, да и Зою Артемовну потрепала ситуация. О замужестве она больше не думала да и претендентов на ее руку не замечала, видимо, самая заурядная внешность женихов не привлекает.

– Поймите, я ни на что не претендую, – между тем трещала звонким и до противности оптимистичным голосом Лора. – Вся моя жизнь теперь подчинена сыну, он есть – и это многое меняет. Тима имеет право увидеться с отцом, раз уж так случилось, пусть они подружатся. Не бойтесь, на алименты не подам.

И что в данном случае делать? На дворе вечер надвигается, а тут – пожалте вам: Лорик притащилась из другого города вместе с «подарком», в происхождении которого Зоя Артемовна сильно засомневалась. Как быть? А был ли подобный казус еще у кого или так безумно «повезло» только Павлику и ей, его матери? Задача Зое Артемовне не по плечу, тут выход один:

– Ладно, с ребенком я тебя не выгоню на ночь глядя. Но запомни, мне твои излияния неинтересны, не верю ни одному твоему слову. Молчи, не надо ничего говорить, – упредила она порыв Лоры что-то сказать. – Павел будет с тобой разбираться, его это сын или ты по привычке врешь безбожно и не крестишься. Идем, покажу вашу комнату.

В глазах Лоры сверкнули радостные искры, она добилась своего. Дождавшись, когда незваная и нежданная гостья отправится в душ, Зоя Артемовна позвонила сыну:

– Павлик, ты когда будешь дома?

– Не скоро, ма, не скоро.

А ей не терпелось рассказать, показать, послушать обоих, она додумалась даже впервые отступить от правил, но Павлика наедине с этой выдрой не оставит, при ней будут отношения выяснять. В конце концов, Зоя Артемовна имеет полное право сделать собственные выводы на основании их общения, ведь это очень серьезно – Тимофей.

– Тут сюрприз тебя ждет, – сказала она в трубку. – Большой.

– В смысле? Что за сюрприз? Почему голос тусклый?

– Сам увидишь. Ты побыстрее, пожалуйста...

– Мама, не пугай. Ты не заболела?

– Я здорова, сын, здорова, – тяжело вздохнула она.

– Тогда извини, у меня два трупа. При всем желании и любопытстве не получится побыстрее, как ты просишь.

– Хорошо, – сдалась она. – В принципе, сюрприз никуда не денется, во всяком случае, до утра. Но помни, сын, я жду тебя, очень жду, ты уж не задерживайся.

Павел пожал плечами, озадачившись...

...трагическими нотками матери: с чего это вдруг? С другой стороны, если судить по интонациям, мама явно не больна, следовательно, все остальные проблемы несущественны. Разговаривая, он стоял у окна, наблюдая за быстро сгущающимися сумерками и глубоко осенним колером в саду, уже напоминающим зимний пейзаж в ненастную погоду.

Закончив диалог, Терехов повернулся лицом к лежащей на полу посреди комнаты молодой женщине и Антону Корикову, который сидел на раскладном стульчике у трупа и проводил первичные исследования. До него с женщиной работал криминалист Огнев, тогда как Антоша трудился над вторым трупом в дальней комнате. Да, два трупа, два! Мужчина и женщина, муж и жена, обоим чуть за тридцать – не самый подходящий возраст для перехода в мир иной.

Однако занимал Павла в данную минуту не труп, а расстроенный старший опер Феликс. За время совместной работы они крепко сдружились, не проходило ощущение, будто дружны с детства, а может, в прошлой жизни тоже, и позапрошлой. Феликс-красавец, брутал из киносаги о героях былых времен, Павел даже сравнил его с собой, лопоухим и белобрысым, не пытался.

Друг сидел в кресле, по привычке вытянув длинные скрещенные ноги и подперев скулу кулаком; не отрываясь, он следил за манипуляциями Антона, при этом не говоря ни слова, а обычно балагурит. Но ведь убиты его знакомые, с обоими Феликс учился в одной школе, с парнем даже в одном классе, в подобных случаях выполнять обязанности сложно, он и не выполнял их, а смотрел, как выполняют другие. Павел опустился на диван рядом с креслом Феликса, дурацкая мысль пришла в голову не к месту: интерьеры у всех одинаковы, кресла всегда рядом с диванами, разница только в цене.

– Пришел в себя? – осторожно бросил вопрос.

– А я и не выходил из себя, – вяло буркнул Феликс, не взглянув на него, однако через паузу осведомился: – Кто звонил?

– Мама, – ответил Терехов. – Просила срочно приехать домой, конечно, я отказал. Тогда она предупредила, будто дома меня ждет сюрприз.

– Тамара родила, – догадался Феликс так же вяло.

М-да... история с Тамарой нелепая. Эту тему ребята старательно обходили, словно ничего не произошло, однако что-то треснуло между ними всеми, образовалась некая стенка, невидимая, но ощутимая. Видимо, Терехов перестал быть идеалом, надо же, какие высоко-нравственные достались ему друзья-коллеги. И ничего им не докажешь, они-с не желают слушать, ну, а если честно, он и не пытался ничего доказывать, самому неловко. Однако ничего не бывает вечного на земле, когда-то и данная ситуация утрясется, сейчас на первом месте дело, и Павел, указав подбородком на труп женщины, спросил:

– Что думаешь по сему поводу?

Но Феликс не смотрел на него, а потому ответ его стал продолжением диалога:

– Что ты, Паша, козел.

Ого как хлестко. Ну, где-то как-то Феликс близок к истине, хотя истина тоже бывает двулличной и коварной, ибо на нее обычно опираются с разных ракурсов. И все забывают, что не редкость, когда обстоятельства не в состоянии исправить один человек, один вообще мало что может. Тамара – потерпевшая из первого дела Павла, кстати, следственная группа и сложилась с тех пор, ее муж оказался преступником, в СИЗО погиб странным образом, а сам Павел познакомился с ней на пробежках в парке. Эффектная женщина Тамара, благожелательная, умная, но с большим недостатком – богатая, после смерти мужа наворованные деньги достались ей, а Павла после первой жены не тянуло второй раз наступить на грабли. У них были замечательные свободные отношения, никаких обязательств, казалось, все устраивает обоих. Нечаянно из головы Павла вылетело, что от секса вообще-то дети случаются, так и вышло.

– От тебя это слышать странно, – проворчал Павел, задетый за живое, а обиженный человек не бывает справедливым. – Уж ты-то погулял вволю.

Тут-то Феликс и обратил свой взор на друга, но монолог выдал хуже «козла», потому что прав, черт возьми, выдал индифферентным тоном, что тоже воздействует отрицательно на психику обвиняемого:

– А мне странно слышать про «погулял». Паша, когда я просто спал с девицами, зная, что никогда ни на одной не женюсь, то предохранялся сам. Но Тамара не мои бывшие девицы. Когда произносят при мне слово «элита», я представляю сразу ее, а не то, что нам показывают по телику. Она заслуживает любви, уважения, восхищения, тем более вот-вот родится твой наследник, хочешь ты этого или не хочешь. Почему же ты с ней так поступил?

– Как?

– Сам не догадываешься? Мы все крепко срослись, даже сроднились... ездили отдыхать к Венику в деревню. Все думали, у вас роман... нет, не так. У вас был роман, мы это видели. Вдруг Тамара беременеет, а ты – юрк в кусты.

– Я просто взял паузу, чтобы привыкнуть к мысли о переменах, но Тамара поняла по своему мой тайм-аут...

Прервал обоих голос Антона Корикова:

– Господа, а ничего, что вас слышит даже труп этой несчастной женщины, не говоря уже обо мне?

Круглая рожица Антоши с сияющими глазами в любом состоянии не соответствовала замечанию, которым он намекнул, мол, не хочу быть свидетелем ваших разборок. У него реакции несколько глуповатые, точнее, театральные, вычурные, но парень он хороший, а специалист еще лучше, что нетипично для его возраста – двадцать семь лет.

– Извини, Антоша, – бросил ему Павел, а в паузе внутренне собрался, чтобы убрать из тона раздражение, правда, не смог не бросить упрек Феликсу: – Вообще-то я спросил, что ты думаешь по поводу убийства твоего одноклассника, а ты высказался, какой я есть негодяй.

– Иногда полезно послушать, что думает народ, – промямлил тот, указывая большим пальцем на себя.

– Ну да, все святые. – Буркнув, Павел встал и подошел к Антону. – Что расскажешь о девушке?

– Пока могу сказать, что следов насилия, а также борьбы не обнаружено, – воодушевился Корилов, его же кашей не корми, только дай порассуждать на тему трупов. – Значит, физической борьбы не было. Есть кое-какие подозрения, но проверю на вскрытии.

– А сейчас подозрения не выскажешь?

– Не хочу выглядеть треплом, Павел Игоревич, если мои подозрения не подтвердятся.

– Как скажешь, – не стал настаивать Павел.

– Еще: смерть наступила в одно время с убийством ее мужа, то есть примерно в промежутке с одиннадцати до часу ночи. А если точнее, с одиннадцати до двенадцати, но у нас не любит начальство, когда называется точный промежуток. Далее... Раз пистолет был в руке, может быть, она и убила мужа. А потом, выйдя из спальни, взяла и умерла. Бывает, смерть наступает внезапно и скоротечно.

– Н-да, очень убедительно, – покивал Павел. – Феликс, а ты что скажешь по этому поводу?

Тот, не переменяв прежней позы, молча пожал плечами, но ни слова. Павел опустил голову и уставился на женщину: молодая, красивая... была. Смерть подпортила красоту, впрочем, она никого не украшает, и если долго рассуждать об этом над каждым трупом, можно запросто заполучить психоз. Это просто тело, которое еще недавно бегало, любило, страдало, радовалось, а теперь оно всего лишь объект для подробного исследования.

В качестве следователя Павел работает недолго, но всегда, когда перед ним лежит молодой человек без признаков жизни, а он имеет дело в основном с убитыми, всегда думает: чем, интересно, этот человек жил? Почему он так рано освободил себя от земных забот или его кто-то освободил? Они могут быть жертвами, а могут быть мошенниками, преступниками, в любом случае эти люди сделали ошибку, которую называют роковой, ибо результат ее – смерть.

– Пал Игоревич... Пал Игоревич!

– А? – вышел из задумчивости Терехов, оглянулся и увидел в дверном проеме самого молодого опера в их группе Сорина. – Что такое, Женя?

– Я зову-зову вас...

– Извини, задумался. Есть новости?

Сорин, подходя к Терехову, свойственным ему легким тоном меланхолика, который в группе воспринимается с юмором, поведал:

– Странно, что вы ждете новостей от свидетелей, которые не хотят стать свидетелями, при том являясь соседями. Я дам на отсечение любую свою конечность, но гарантирую: соседи наверняка подглядывали в дырки забора. Выжал из них ноль информации, хотя я чертовски обаятелен... (Кориков хихикнул.) Да-да, обаятелен! – конкретно Антону сказал Женя. – Недаром на прошлом нашем деле меня кормили пирожками в деревне все теткы, услаждая мой слух сплетнями.

Терехов улыбнулся, ему нравились ребята, с которыми он сработался, в частности Жека Сорин. С первого взгляда на него вроде не впечатляет, а потом видишь, какой он славный, мальчишеского склада, к тому же интеллеktуал, бесспорно, Женя вызывает симпатии.

– Сорняк, много говоришь, – тем временем подал голос Феликс.

– А ты долго сидишь и много молчишь, – парировал тот, не обидевшись: беззлобные перепалки в их компании обычное дело. – Неопрошенные есть, народ в отъезде, на работе, в гостях и просто прикидывается глухим, не отвечая на звонки, будто их нет дома. Чем еще я могу стать полезен в этом доме скорби?

Феликс поднялся на ноги и пробубнил:

– Как ты надоел, Сорняк, своим высоким штилем. Не туда попал, тебе следовало в театральный податься, а не на прозаическую стезю опера ступать.

– Не-е, – протянул тот. – Публичность не мое, к тому же не могу по заказу, только когда льется из души, как песня.

– Иди к Вениамину, – распорядился Терехов. – Он в подсобных помещениях. Правда, я не знаю пока, что искать... в общем, все нетипичное собирайте.

– Понял. Помню. Выполню.

Положив папку с протоколами на журнальный стол, Сорин отправился к выходу из дома, а Феликс и Павел вошли в спальню, где работал криминалист. Станислав Петрович – первоклассный специалист, творческий, не выгоревший за много лет, хотя к его годам (за сорок)

устают. Кстати, скуластые люди со впалыми щеками и глубоко посаженными глазами выглядят обманчиво уставшими, а он нет, потому что оптимист по жизни, глаза горят, как у мальчишки. Павел поинтересовался:

– Есть что-нибудь, Станислав Петрович?

– Есть, друг мой, куча всякой мелочи... м... незначительная мелочь, не думаю, что она поможет. В подобных домах ненужного хлама хранится много.

– Домик небольшой, богатством не блещет, – прохаживаясь по спальне, заметил Павел, – но и бедностью не отмечен, содержался в порядке.

– Не спорю, здесь порядок, – согласился Огнев, копаясь в своем чемодане, в котором уж точно полный беспорядок. – Но обрати внимание, сколько здесь мелочовки. Статуэтки, коробочки, детские поделки...

– Поделки делал их десятилетний сын, – сказал Феликс. – Есть еще пятилетняя девочка.

– А где дети? – осведомился Огнев.

– У родителей Веры.

– Хорошо хоть детей не было на момент убийства. Ну, здесь все, пусть забирают труп, а я поехал.

Энергичный Огнев стремительно ушел со своими чемоданами, его сменил Феликс; подойдя к двуспальной кровати, он встал в ногах. Перед ним полулежал на подушках молодой человек с простреленной грудью, прикрытый до пояса одеялом. Очутившись рядом с Феликсом, Павел посчитал, что настало время поговорить с ним, как-никак, а он в некоторой степени свидетель:

– Видимо, собирался спать, но что-то произошло...

– Я тоже думаю, что же произошло здесь между одиннадцатью-двенадцатью... пусть даже часом ночи? – заговорил Феликс. – Обычно люди спят в это время.

– Стало быть, не спали, – заметил Павел.

Феликс взглянул на него и усмехнулся:

– Не спали – хм! Ты прямо тайну открыл. – И снова задумался, высказывая мысли вслух, от Терехова он ничего не скрывал. – С одиннадцати до часу... Но это время не для гостей. Не находишь?

– Полагаешь, кто-то еще был здесь? – Феликс не ответил, просто смотрел на труп, будто не слышал. Но он услышал. – В руке Веры был пистолет...

Напоминание о пистолете заставило нахмуриться Феликса:

– Сомневаюсь, что она знала, где предохранитель и что делать с ним перед выстрелом. И вообще, где она взяла пистолет, тем более он стоит немало?

– Ну, оружие на черном рынке купить сейчас не проблема, – возразил Павел. – А как они жили, ты в курсе?

– Пф! – ухмыльнулся Феликс. – Хорошо жили. Ссорились иногда, собственно, как все. Мы с Настей тоже ссоримся, это же не повод убить... к тому же застрелить. Кстати! Выстрела никто из соседей не слышал, это невозможно, выстрел без глушителя в частном секторе услышали бы и спящие.

– Значит, стреляли через глушитель, – понял Павел, куда клонит Феликс. – Но в ее руке пистолет без глушителя. Я попрошу Огнева, чтобы он посмотрел, можно ли навинтить глушитель на ствол. А когда ты встречался с ними последний раз? Не по отдельности, а вместе?

– Дней... – задумался он. – Неделю назад... м... восемь дней!

– И ничего не заметил? Нервозность там... грубости, брошенные невзначай... отчуждение... Ты виделся всего неделю назад, что-то должно было выдавать кризис в семье, жена убивает мужа, когда он ее сильно достал или в состоянии аффекта. Аффект я исключаю. В этом состоянии хватают первое, что под руку подворачивается, а у нее пистолет, не травматический,

а Елагиной. Все же не так-то просто достать оружие, значит, готовилась сознательно, а это время.

Ответ Феликс дал более чем убедительный:

– Паша, Руслан сказал бы мне, будь у них раздоры, кризисы и прочая хрень. Да я и сам в состоянии заметить, знаю их достаточно хорошо, чтобы уловить малейшие изменения. Люди на пике вражды не умеют скрывать отношения, как они ни стараются, а детали их выдают.

Павел подошел ближе к убитому, встал сбоку кровати, скрестил на груди руки. У парня был приоткрыт рот, вероятно, вскрикнул в миг, когда в него врезалась пуля, а внешность у него завидная, тело крепкое, набитое мышцами...

– Чем занимался Руслан? – спросил Павел.

– Вырезал кружева из дерева.

– Резчик?

– Вроде того. И плотник. Делал мебель в основном для крутых: резные кресла, стулья, столики разной величины. Вещи эксклюзивные, дорогие и не каждому по карману, поэтому много не зарабатывал. То есть за вещь получит, а потом долго заказы ждет. Но все равно трудился, выставлял работы на разных площадках. Правда, однажды, но давно, пришел заказ из-за границы на полный комплект мебели, год вкалывал, на заработанные деньги купил этот дом, машину, построил мастерскую, девчонку родили, все было гуд.

– Н-да... – вздохнул Терехов. – Значит, конкуренция исключается.

– Какая конкуренция, с кем? – фыркнул Феликс. – У Руслана был талант, не каждому дается свыше эта штука.

– А как думаешь, жена Вера способна убить?

– Нет.

– А в исключительном случае? К примеру, узнав об измене?

– Паша, отстань. Я не понимаю, почему это... – Он указал глазами на Руслана. – Не понимаю... Совсем не понимаю.

Приехал Павел домой поздно, полагая, что...

...мама уже спит, но она не спала и, слышав скрежет ключа в замке, вышла в прихожую. Задержался он прилично, обыск длился долго, потом еще обсуждали с группой новое дело и наметили план работы. Снимая куртку, Павел выразил искреннее удивление:

– Ма, ты не спишь? Почти двенадцать.

– Я предупредила, что буду ждать тебя.

– Прости, раньше не мог, у меня сложное дело.

– А когда у тебя было простое дело?

– Было, и не одно, например, на прошлой неделе. Пацаны повздорили, кто-то достал нож и пырнул им двоих. Мы за два часа раскрыли, попали в статистику рекордно короткой раскрываемости. Премии обещали.

– Тише ты, хвастун! – шикнула она.

– Почему – тише?

– Не хочу, чтобы кое-кто проснулся.

– А у нас гости?

– Идем на кухню, там все узнаешь, заодно поужинаешь, если аппетит не пропадет.

Озадаченный Павел сначала принял душ, вода не только снимает усталость, она, как утверждают высокодуховные махатмы, дополнительными силами обогащает. Судя по лицу матери, силы ему понадобятся, а многообещающий тон подготавливал к скверным новостям, уж он-то знает ее. Однако заинтриговала матушка, очень заинтриговала, он не торчал долго под потоком воды, как обычно, пришел на кухню. На столе стоял ужин; потирая руки, Павел уселся на стул и поинтересовался, с аппетитом уплетая любимые макароны с мясным соусом:

– Ну и? Кто пожаловал?

– Да уж, пожаловал, и я хотела... – с трудом подбирала слова Зоя Артемовна, – заранее предупредить тебя хотела, чтобы ты морально подготовился. В общем, приехала Лора... твоя бывшая жена.

– И ты пустила ее?

Ух ты! Зоя Артемовна вздохнула с облегчением: голос не дрогнул, кажется, Павел не нуждался в психологической подготовке, ибо совсем не придавал значения событию. С одной стороны, это хорошо: Лора причинила много боли ему, да и ей досталось, подпортила бывшая невестушка здоровье Зое Артемовне. А с другой стороны, она серьезно опасалась, что старая история получит новое дыхание, тогда прогноз такой: здравствуй ад.

– Пустила, – сказала с вызовом, потому что освободила эмоции, раз Пашка в норме. – Вынуждена была.

– Знаю, Лорка умеет вползти в дом. Не переживай, завтра выставлю ее, назад не заползет. А может, сейчас разбудить и отвезти в гостиницу?

– Не выставишь, сынок. И не отвезешь.

– Это ж почему?

– Она не одна приехала.

– С мужем? Ой, какой я голодный, а как вкусно... Мамуля, тебе нужно ресторан открыть, на крайний случай забегаловку, но это будет лучшая забегаловка в городе. Короче, выставлю обоих и наконец докажу всем, что я не интеллигент, а то мне по любому поводу тычут: интеллигент. Будто я недоразвитый.

Шутник, подумалось Зое Артемовне, а в следующий миг она торжественно объявила, а то ведь долго до него доходит, что шутки иногда неуместны:

– Лора приехала с сыном, говорит, это твой ребенок.

Цель достигнута. Павел услышал, оценил негативную новость, жевательный процесс замедлился – еще бы! Странно, что не подавился. С минуту мальчик тридцати четырех лет от роду сидел с мрачным лицом, глядя в стол, наконец у него прорезался голос:

– Что ты сказала?

– Изволь, могу повторить. Лора приехала с ребенком, мальчиком, ему шесть лет, зовут Тимофей, она уверяет, будто он твой сын.

– Мама, у нее не может быть ребенка от меня, ни сына, ни дочери, ни, как у Пушкина, неведомой зверушки – не! мо! жет! быть! Ты поняла?

– Но в документах он Тимофей Павлович...

– Еще раз повторяю: это не мой ребенок.

– На тебя похож, – сказала она как-то неуверенно.

– Не знаю, где она взяла его, и знать не хочу. Мама, ребенок Тамары – мой, я не отказываюсь от него, а эта аферистка обманула тебя. Ты не веришь мне?

Вот тут ее прорвало. Зоя Артемовна никогда не позволяла себе кричать на единственную, любимую, ненаглядную деточку, которой посвятила жизнь, но сейчас она остервенело взвыла, правда, полупрошепотом, чтобы не услышала стерва в спальне для гостей:

– Господи, почему у тебя с Тамарой не получилось? Ну почему ты не видишь, где ангел, а где черт? Может, считаешь Тамару не слишком красивой? Ты же у нас Аполлон, сплошная белобрысая и ушастая мечта с белесыми ресницами.

– Мама, не надо про мои уши и про все остальное. Пойми, Тамара сама не хочет продолжать наши отношения.

– Не хочет продолжать отношения! – передразнила сына Зоя Артемовна, и этого она себе не позволяла. – Услышь себя! Ты обидел ее, а обязан был предложение сделать...

– Она вообще обрывает эту тему.

– Потому что ты рохля! И тугодум! Сразу надо было предложить пожениться, сразу, как только узнал о беременности. А ему, видишь ли, подумать понадобилось! О чем? Нужен

ребенок или нет? И когда что-то себе надумал в своих скудных мозгах, пошел сдаваться, да? Это именно так и выглядело. Но не ты один думать умеешь, она тоже, чай, не глупа. А думает, что ты идешь на этот шаг по принуждению ввиду порядочности, а ей нужно, чтобы ее любили – логичное желание женщины после крайне неудачного и трагичного брака.

– Ма, не переживай, все наладится когда-нибудь.

– Когда-нибудь? – горько усмехнулась Зоя Артемовна и только в данную минуту заметила, что он еще и ест. – Прекрати есть, когда мать с тобой разговаривает!

Павел бросил вилку, подпер кулаком скулу и уставился на мать с интересом, потому что никогда не видел ее такой... резкой. Все что мог он сказал ей, других утешительных слов не накопил, а посему молчал, чтобы лишний раз не раздражать мать. Она заговорила, чуть снизив градус:

– На месте Тамары я бы с тобой разговаривать не стала, а она... она еще меня уговаривает не сердиться на тебя! Дескать, поймите Павлика, он не может жить с женщиной, которую не любит...

– Она так сказала?

Спросил, будто его это не шибко касалось, что привело Зою Артемовну в неопишное негодование. Она, разумеется, не кричала из-за присутствия незваных гостей, да и вообще привычки такой не имела, но и полусшепотом можно выразить состояние кипения:

– Господи, в кои-то веки повезло встретить богиню во всех смыслах, которая еще и любит его! Так нет же, он кочевряжится. Зато эту выдру, – указала она большим пальцем себе за спину на дверь, – не подвергал критике, все в ней нравилось: тупость, наглость, беспардонность, лживость. Даю гарантию, ты теперь не выманишь ее отсюда.

– Я не буду ее выманывать, а просто выставлю.

– Ну-ну. А то я не знаю ее, впрочем, как и тебя, поэтому на твой счет тоже не обольщаюсь. Стоит тебе увидеть эту черную ворону... Ешь и иди спать! – рывкнула напоследок она, поднимаясь со стула. – Завтра будешь с Лоркой разбираться. Без меня. Хотела присутствовать, но нет, обойдешься. Хватит нянчиться с тобой, ты никогда меня не слушал, вот завтра сам и разруливай.

Безнадежно махнув рукой, Зоя Артемовна оставила сына наедине с самим собой, Павел посмотрел на часы – половина первого, устал, а спать не хотелось, да и какой тут сон...

Тамара открыла дверь, улыбнулась и...

– Заходите, Зоя Артемовна.

Снимая пальто, гостя, поглядывая на хозяйку, вздохнула. Грустно ощущать себя несостоявшейся свекровью из-за глупости (а может, трусости) сына, но Тамара никогда не давала понять, что оскорблена или обижена. А в ее положении (вот-вот родит) это было бы естественно. Они подружились легко и непринужденно, собственно, обе заинтересованы друг в друге. Тамаре скоро понадобится помощь, а Зоя Артемовна мало того что станет бабушкой, втайне не теряла надежды соединить бестолочь Пашку с этой эталонной в ее понимании женщиной. Статная, стройная (ну, сейчас она в положении, что вовсе не портит ее), с аметистовыми глазами, тонким носиком, а какие брови дугой... И сынок Пашка: белобрысый, лопухий, не красавец – весь в мать, одно достоинство: длинный. Что он следовательно, так это недостаток, его же сутками дома не бывает, и Тамара принимала Павлика с его каторжной работой. Вот какого черта ему нужно? Зоя Артемовна снова вздохнула, Тамара заметила:

– Что случилось? Вы вздыхаете тяжело не первый раз сегодня.

– Да так, ничего... Прости, Тамарочка, что так рано нагрнула.

– Разве сейчас рано? Девятый час. Как насчет завтрака? У меня как раз все готово, составите компанию?

– Не откажусь, я ведь сбежала, даже чаю не попив.

Эх, проговорилась! Но Тамара как будто не заметила, вопросов не задала, значит, не слышала – и хорошо, а то ведь Зоя Артемовна сказала чистую правду: сбежала из собственного дома.

На кухне у Тамары порядок, красота, современно, светло, хозяйка она безупречная, в общем, состоит из одних достоинств, а Пашка состоит из недостатков. Может, поэтому она и не хочет связать с ним свою жизнь? Ой, а так ли это? А не врет ли маме Павлуша?

– Вот кашка гречневая, – поставила перед ней тарелку Тамара. – Салат резать было лень... огурчики, зелень целиком, ветчина... Берите, что нравится.

– Да не суетись, я все вижу.

– А почему вы сбежали?

Все-таки Тамара уловила, как проговорилась Зоя Артемовна, пришлось признаться:

– С Пашкой поссорилась.

– Как это? – вытаращила Тамара глаза. – Он же неконфликтный.

– Я стала конфликтной, я. Скажи, дорогая... не люблю вмешиваться, но все скажи, Павлик приходил к тебе мириться?

– Приходил. Но мы же не ссорились, просто у нас разные позиции.

«Так... Значит, не соврал, – думала Зоя Артемовна, пробуя кашу. – Выходит, тупость и упрямство с обеих сторон, и что с этим делать? Какие-то недоразвитые оба. Господи, подскажи, как мне быть с ними, о себе только думают, а не о детях, их же сразу двое родится. Пашка не знает, Тамаре обещала не говорить, а язык так и чешется. Но ему полезно узнать после того как!»

– Пейте чай, а я побегу собираться на работу, – поднимаясь со стула, сказала Тамара.

– Какая работа? – Подскочив, Зоя Артемовна последовала за ней в спальню. – В твоём положении? Это же не на стуле сидеть.

– Вот именно – на стуле сидеть. Не волнуйтесь, я не буду бегать, тем более танцевать, можно ведь и словами объяснить. Что поделаться, не хотят молодые специалисты ехать в провинцию, считают, жизнь есть только в Москве и Питере, а она есть везде. Карьера, конечно, там громкая, но не у всех же, далеко не у всех. А поехали со мной? Посидите на репетиции, посмотрите, как мои птички готовятся к вечернему спектаклю, ну и отвлекитесь. А по дороге расскажете, из-за чего поссорились с Павликом, я умею утешать.

– Хорошо, поехали! – оживилась Зоя Артемовна. – Сегодня выходной, времени у меня полно, а я всегда хотела заглянуть в балетную кухню.

По правде говоря, ей очень хотелось поделиться опасениями в связи с явлением Лоры, вдруг Тамара сжалится и возьмет Пашку в мужа.

Павел – любитель поспать, обычно его...

...будит мама, а в это воскресное утро разбудил телефонный звонок. Рука механически потянулась к тумбочке, нащупала смартфон, а глаза не открывались.

– Слушаю, – промямлил Павел в трубку.

– Паша, ты что, спишь? Ого, а уже день наступил! Это Огнев.

– Станислав Петрович? Что случилось? Мы же вчера только...

– А я вчера поехал к себе, – перебил Огнев, он же еще и холерик по натуре, нетерпелив. – Поехал, чтобы стаканчик скрупулезно обследовать.

– Обычный одноразовый стакан. – Павел потянулся, просыпаясь. – Бумажный. В каждом супермаркете такие продаются.

– Ты прав, прав. На нем пальчики я обнаружил совсем свеженькие, решил пробить по базе данных.

– И? – заинтересовался Павел, наконец сев на постели. – Каков результат? Говори уж, раз разбудил. Отпечатки нашлись в базе данных, так?

– Не совсем так. Видишь ли, мы нашли брелок от ключей...

Огнев начал тянуть кота за хвост, что не понравилось Павлу, у него уже никакого терпения не хватало, он взял командный тон:

– Кончай муру водить, Станислав Петрович. Ну-ка, четко, как в армии, отчитайся, что обнаружил.

– А ты в армии служил?

– Нет. Но командовать умею, вы все ошибаетесь на мой счет, прилепив штамп интеллигента, причем в нашем ведомстве произносят ругательной интонацией. Я ого-го как умею.

Огнев залиvisto рассмеялся, хотя ничего смешного Терехов не сказал, потом все же быстро, словно торопился не опоздать на поезд, выложил:

– Мы нашли в спальне у кровати брелок от ключей в форме миниатюрного смартфона с надписью: «Не дури». Феликс признал свою собственность, удивился, мол, успел распрощаться с подарком жены, а тут вот он. Не понял, почему в спальне брелок потерял, куда, как утверждал, не заходил. Я не отдал ему брелок, сам понимаешь, на нем могли быть чужие отпечатки. Короче...

– Только короче.

– Ладно, без подробностей. На брелоке один отпечаток... остальные не целиком сохранены, но идентифицировать и их вполне возможно. Так вот один полностью совпадает с отпечатком на стакане. Отпечаток принадлежит Феликсу, в моей личной базе его отпечатки есть.

– И что? – неотреагировал должным образом Павел. – Феликс бывал у Руслана, они поддерживали дружеские отношения.

– А когда он был последний раз там?

– Я спрашивал вчера. Неделю назад или восемь дней.

– Отпечатки на брелоке не совсем четкие, им примерно... полагаю, дней десять-двенадцать. Поверхность идеальная, на подобной поверхности отпечатки неплохо сохраняются. А пальчики на стакане свежак, их возраст пару дней, не более. Даже если ошибаюсь, ну, три дня. Разницу чувствуешь?

– А есть на стакане еще какие-нибудь пальцы? Не Феликса?

– Нет, только его.

Разумеется, Павел сложил два факта, вывод напрашивается сам собой:

– Станислав Петрович, ты подозреваешь Феликса?

– Подозревать – это твоя работа, а я излагаю факты и... честно скажу, не знаю, что думать по этому поводу. И не хочу думать в сторону Феликса. На груди женщины нашлось несколько волосков, сейчас они у Антона, он передаст Покровскому в судебно-медицинский центр, там проведут исследования, однако сравнивать не с чем. А пока предлагаю никому ни слова не говорить.

– И Феликсу?

– Не знаю. Решай сам, вы же друзья. Но чтобы провести экспертизу, потребуются волосы Феликса, как вы их добудете, тайком или напрямую, тоже тебе решать. Сразу скажу, они странновато лежали.

– Что значит – странновато?

– Они лежали небольшим клочком на груди, ниже впадины между ключицами. Это надо показать, на словах не поймешь.

– Ладно, я заеду. Да, чуть не упустил... Я про пистолет: на ствол можно навинтить глушитель?

– Да, стреляли через глушитель. Резьба нарезана кустарным способом, но мастерски. А нашли глушитель?

– Нет. Ну, до скорого, Петрович.

Павел положил смартфон на тумбочку, немного посидел, соображая, что означают эти улики, впрочем, они указывают... Нет, с утра голова плохо варила, нелепые мысли он отмел.

Павел набросил халат и вышел из комнаты, в ванной освежился под душем, пришел на кухню и... глаза на лоб!

– Что ты тут делаешь? – выдавил из себя изумленно.

Вот те раз: вместо матери увидел Лору, которая хозяйничала на кухне, управляясь со сковородками, как у себя дома. Вчера устал, но думал, не заснет после новостей о бывшей, однако рухнул на кровать и сразу уснул, а сегодня после сообщения Огнева и не вспомнил про «сюрприз», который неплохо выглядел. Да, Лора мало изменилась, лишь слегка увеличилась в размерах, стала еще сексуальней, однако в глубине души Павел порадовался: ничего не екнуло, внутри тишина. А когда-то саднила каждая клетка, он сильно переживал разрыв, притом понимая, что расстаться с ней необходимо. Переживал и злился на себя за то, что его провела та, которую он принял за чистую монету, а она оказалась фальшивкой. Пока Павел копался в своих ощущениях, Лора тем временем щебетала на манер беспечной пичужки, будто их не разделяло целых семь лет:

– Готовлю завтрак из того, что нашла. Кстати, Зоя Артемовна рано куда-то ушла, ничего не сказав... Ты садись, садись. Кофе будешь?

Павел подошел к ней вплотную и процедил недобро:

– Ты чего притащилась? Что надо?

– Тихо-тихо-тихо, – насмешливо поморщилась Лора. – Ты так возбуждился, я просто теряюсь...

– Возбудить меня ты уже не можешь, – огрызнулся он.

– Павлик, ты стал грубым.

– Это комплимент. Он означает, что я успешно избавился от деликатности. Собери-ка ты вещи, дорогая, и...

Безусловно, после того как требуют собрать вещи, указывают направление – в какую сторону идти с этими вещами, Павлу не удалось высказаться до конца. В самый пиковый момент, когда он даже за локоть схватил Лору, чтобы подкрепить слова действием, швырнув бывшую к выходу, раздался детский крик:

– Па-па!

Не успел «папа» опомниться, а мальчик уже обнимал его, уткнув лицо в живот Павла. Да-а... это удар ниже пояса. Обезоруживающий удар, подленький. Набывчившись, Павел уставился на стерву Лорку, а та – святая простота – умильно смотрела на мальчика, улыбаясь и прижав к груди переплетенные пальцы. Ну прям картинка кисти великих мастеров эпохи Возрождения, осталось глазки закатить к небесам и пупсиков с крылышками подпустить для полноты сюжета. Павел отстранил мальчика от себя и присел на корточки перед ним, чтобы познакомиться, ребенок-то не виноват, что его втянули в интригу:

– Тебя как зовут?

– Тимофей Павлович, – улыбнулся мальчик. – А тебя Павел Игоревич.

Глядя в счастливое личико мальчика, он не посмел сказать, что Лора бессовестно его обманула, ребенка бить взрослому наотмашь нельзя, ведь слова иногда имеют силу дубины, ранят на всю жизнь. Осталось договориться. Павел, не имеющий опыта общения с детьми, попытался это сделать:

– Послушай, Тима, ты сейчас иди умойся, оденься... Тебя позовут на завтрак, а нам с Лорой надо подготовить стол... накрыть его... Хорошо?

– Я с тобой хочу завтракать, – поставил условие Тимофей.

– Не проблема, позавтракаем вместе. Ну, беги, малыш.

Сначала Тима обнял его за шею, обнял крепко, прижавшись худеньким тельцем, Павел чувствовал, как бьется его маленькое сердце, и не смог обмануть ожидания ребенка, он тоже обнял мальчика, с укором глядя на Лору. Однако его укоры ей до одного места, на котором сидят, она радостно смеялась, ее внимание распространялось только на мальчика. И в этом

тоже он распознал коварное лицемерие: чтобы не реагировать на его злость, нужно просто не смотреть на бывшего мужа. Уговорить Тиму удалось, видимо, ребенок послушный, он убежал, а Павел, медленно поднявшись на ноги, лениво захлопал в ладоши, не спуская немигающих глаз с Лоры, так же медленно процедил слова:

– Режиссура удалась. Но какой сценарий... м! Да ты талант, продай киноиндустрии, народ рыдать будет у экранов. Впрочем, писать сценарии – это работа, а значит, не твое. Но лирику в сторону. Объясни мне здесь и сейчас: чей это ребенок, которого ты пытаешься нам подсунуть?

– Мой, – твердо сказала она, вскинув подбородок. – И твой.

– Ну, ту лапшу, что ты навешала маме, я знаю. Мне страшно интересно другое, как у тебя хватило наглости на спектакль с Тимофеем? Папа... Объятия... Ты прекрасно знала: я выставлю тебя, поэтому выдрессировала мальчика, чтобы он при первой же встрече кинулся ко мне с криком «папа».

– Это твои фантазии, Тима давно хотел увидеть отца.

– Да ну! А ты подумала, что будет с ребенком, когда он узнает, что я не его папа? Конечно, нет.

– Павлик, уверяю, Тима наш с тобой сын...

– Он не может быть моим сыном! – сцепив зубы произнес Павел, находясь на грани взрыва. – Мы с тобой развелись семь лет назад, до этого счастливого для меня события у нас уже не было секса.

– Но однажды, – перехватила инициативу Лора, – мы встретились у наших общих знакомых в загородном доме, помнишь? (Он не помнил.) Ну, у Маркиных... Повод собраться был ерундовый, но они так любят посиделки... В общем, мы с тобой и еще трое задержались допоздна, ни у кого не было машины, нам предложили заночевать. Ночью я пришла в твою комнату, потому что соскучилась и очень хотела помириться... а ты... Ты не отказался от меня, но утром ушел не попрощавшись. Ну, вот, после той ночи...

Да, они встречались у знакомых, правда, очень редко, но никаких ночных воссоединений Павел не помнил, значит, этого не было. Можно было бы согласиться, дескать, бес попутал, мол, пьян был, если бы он хотя бы изредка напивался до потери памяти. Подобного греха не водилось за ним никогда. Павел стоял напротив Лоры и молчал с презрительной улыбкой, поражаясь изобретательности бывшей. Однако перед ним не просто бывшая, а наказание за глупость, тупость, самонадеянность, ведь он в свое время не хотел видеть, что они совершенно разные, да просто несовместимы.

– Что ж, – наконец сказал, – ты все продумала, мне только не ясно, какова твоя цель. Цель ведь есть?.. Впрочем, я и не рассчитывал, что ты скажешь.

– Ты не веришь мне? – обиделась Лора.

– Что ты, Лорик! Конечно, не верю. Но раз так настаиваешь, я готов поверить... (Лора вскинула на него радостные глаза.) Не спеши радоваться, все тайное рано или поздно становится явным, такова реальность. И если ты солгала, в чем ни секунды не сомневаюсь... Запомни, Лорик, я провел пять сложнейших, нетипичных, умно спланированных дел, пять! В каждом встречались грамотные преступники, ловкие, умеющие гениально обманывать окружающих, уверенные в безнаказанности, им не удалось обмануть только мою группу. Хорошо запомни, я сумею вывести тебя на чистую воду и засадить надолго.

– Павлик, я наделала много ошибок, но Тима меня изменил...

– Хватит, хватит. Не растаю, даже если ты слезупустишь. Я ухожу. Ценностей не ищи, ты их забрала прошлый раз в качестве компенсации за моральный ущерб. Маме не жалко было золота, ее только огорчила пропажа серебряных вилок с ложками, семейная реликвия как-никак, еще от прабабушки ей досталась.

Павел двинул к выходу из кухни, его остановил отчаянный голос Лоры, но он не обернулся:

– А Тима? Ты обещал позавтракать с ним.

– Скажи, что меня срочно вызвали на работу, тебе лгать – не привыкать, а у меня аппетит пропал.

Он быстро оделся и ушел, из машины позвонил матери:

– Ма, ты где?

– В театре. В оперном.

– Что ты там делаешь?

– Наслаждаюсь красотой, смотрю, как Тамара проводит репетицию. Сейчас как раз перерыв. А ты зачем звонишь? Ой, прости, знаю. Итак, ты поздоровался с... даже не представляю, как назвать твою бывшую, только неприличные слова приходят на ум. До чего договорились? Ты прогнал ее, как обещал?

Каков будет результат встречи Павла с Лорой, Зоя Артемовна предвидела, отсюда последний вопрос прозвучал иронично, дескать, ты обещание не выполнил, но я хочу услышать это от тебя. Сын рассмеялся, мать знает его лучше, чем он сам знает себя, и вздохнул, признавшись:

– Нет, мама. Она устроила мне представление с мальчиком и... я не смог. Ушел я, мама.

Потом расскажу подробности иезуитского хода.

– Так Лорка у нас? – запаниковала Зоя Артемовна. – Ты оставил ее одну в квартире?!

В отличие от матери Павел остался абсолютно спокоен, нашел подходящие слова и для нее, чтобы утешить:

– Мамуля, ты зря волнуешься, чес-слово не стоит. Лорик приехала с определенной целью, следовательно, никуда не уйдет, отсюда могу заверить: и не стащит ничего. Пока не стащит. Собственно, а что у нас красть?

– Всегда найдется что украсть, сынок. В данном случае – здоровье, к примеру, мое. Ты хоть поел?

– Сейчас где-нибудь кофе выпью.

– Так и знала! Теперь оба будем сбегать из собственного дома?

– Мама, я хочу знать ее цель, она не просто так приехала. Надо продумать тактику, каким образом разоблачить ее.

– Как знаешь, но мне все это не нравится, тревожно стало. Ой, зовут артистов, я пошла посмотреть.

– Ма, секунду! Пожалуйста, о Тамаре ни слова Лорке.

– О, беспокоишься о Тамаре? Уже хорошо.

– Не иронизируй. Прошло много времени, может, Лора стала хуже, чем была, все предпосылки у нее для этого были. Как правило, люди со знаком минус развивают предпосылки до мастерства.

– Ты не преувеличиваешь? Лора глупа для серьезных интриг.

– Моя работа показывает, что глупые зачастую вовсе не глупы, а хитрые, алчные, жадные, амбициозные и очень жестокие. Женщины не уступают мужчинам в изобретательности, иногда поражая полетом фантазии и отсутствием даже мизерной морали.

– Ой, Павлик, прости, я побежала.

– Ладно, иди.

Он бросил трубку на пассажирское сиденье, скрестил руки и положил на руль, затем опустил на них подбородок. Думал. Как говорит начальник Валерий Семенович, у следователя должна работать чуйка и постоянно сигналить: бди! С появлением Лоры он ощутил эту самую чуйку в реале, словно нечто inferнальное подсказывало, поглаживая по коже, отчего пробежал мороз: осторожно, будь внимателен. Это не напрасно. Столько лет от Лорика ни слуху ни духу не было, вдруг выскочила как черт из табакерки, да еще с ребенком – нормально, да?

– Значит, будем вести домашнее расследование, – сказал он вслух, поворачивая ключ в зажигании. – Н-да, не вовремя свалилась Лорик...

Пристегиваясь, Павел выбросил Лору из головы, на данный момент есть более важные вещи. За дорогу к кафе продумал, с чего начать, и, дожидаясь кофе и сырников, не откладывая в долгий ящик, позвонил Корикову. Вне всякого сомнения, Антон находится на работе, у него нет бытовых запросов – устал, выходной, отдых, иногда кажется, что ему и не до девушек. Но нет, девушками Антон интересуется и весьма активен, когда видит юбку. А если серьезно, парень исследователь по натуре, его можно считать подарком судьбы, ведь залог успеха следователя – квалифицированные эксперты. И точно, Антон давно на рабочем месте в морге, Павел предупредил, что будет у него примерно через час.

– Проходите, Павел Игоревич, – ...суетливо встретил его Антон. – Присаживайтесь.

– Наконец ты выучил, что в нашем ведомстве не говорят «садитесь», – пошутил Терехов, усаживаясь в чистом, уютном и светлом кабинете. – Как наши вчерашние трупы?

– Дожидаются очереди...

– Да ты что, Антон! – На минуту Павел забыл, зачем приехал. – У нас ничего нет на руках, вообще ничего. Нам срочно нужны результаты исследований.

– Павел Игоревич, но это же все равно время, несколько дней, – соорудив обиженную рожицу на круглом лице, сказал Антон. – А у меня бомжиха, это же клад, редкость, когда можно рассмотреть все, что внутри съело ее, и тебе никто не вышибет мозг правами трупа. Разложение, зарождение новых патологий, степень разрушения для относительно молодого возраста... Павел Игоревич, я вчера поехал на убийство, а только-только начал над ней работать. Клянусь, к вечеру закончу... Раньше!

– Ладно, работай. – Павел огорчился. – Ты нам очень помог прошлый раз, я надеюсь на тебя и в данном случае, а он, кажется, будет непростой.

Несмотря на упитанность, Кориков подвижный и юркий, в нем энергия кипит, он подхватил стул, поставил ближе, напротив Терехова, с вопросом:

– А что такое? Почему так думаете?

– Да я пока не могу тебе объяснить, – задумчиво произнес Павел. – Кое-что есть странное... настораживающее... Значит, ничего нет? Тогда я пошел.

– Нет-нет, подождите. Я ведь сделал смыв ладоней этой... как ее? Имя не помню. Жены. Предположительно она убийца мужа, так?

– Это предварительная версия, которая на поверхности, у нее в руке был пистолет, – сказал Павел, поднимаясь со стула. – Мне нужно знать, что послужило причиной ее смерти.

– Так и мне интересно стало, случай-то нетипичный: женщина застрелила мужа, а сама, как я понимаю, внезапно скончалась. Отчего умерла, я установлю при вскрытии, а смыв сделал, чтобы не мучиться и точно знать: застрелила или нет.

– Ну и? – замер Павел.

– Пороховых частиц не обнаружил.

– Стреляла не она.

– Совершенно верно, не она. Был кто-то третий, он и есть стрелок.

Антон думал своим сообщением развеять огорчение Терехова, вышло наоборот, тот еще больше нахмурился, стал черней тучи.

– Я вас расстроил? – спросил Антон удивленно.

– Опять у нас третий неизвестный, как прошлый раз, – проговорил Павел, хмуря лоб, однако вопрос услышал. – Расстроил? Нет... совсем нет. Извини, я просто сопоставляю некоторые улики.

– Вы сказали по телефону, что у вас ко мне есть личное дело.

– Да! – стукнул себя по лбу Павел. – И даже не одно, а два. Антон, мне надо сохранить в тайне то, что хочу попросить тебя сделать... До поры до времени, конечно, это будет тайной. Просьба личная, я бессовестно пользуюсь служебным положением, что нехорошо с моей стороны...

– Хотите спросить, можно ли мне доверять? Обижаете.

– Нет, что ты, тебе доверю, не сомневайся. Просто неловко немного, дело слишком... Но если дело обернется расследованием, подключу ребят.

Павел рассказал о неожиданности, свалившейся на него в лице бывшей жены и мальчика, причем он уверен, что ребенок не его, но на руках нужно иметь результат тестирования. И если подтвердится подозрение...

– То что? – заинтересовался Антон, когда Павел замолчал.

– А ты как думаешь? Мы расстались неважно, я лично видеть ее больше не желал. Потом мы с мамой переехали сюда, о Лоре забыли, и вдруг – вот она, да не одна. Если окажется, что ребенок не мой...

– Вы все же не уверены, что Тима не ваш?

Трудный вопрос, при всей уверенности мозг долбила подлая мысль: а вдруг? Семь лет прошло, даже больше, многие эпизоды стерлись из памяти, да и женский ум бывает настолько изощренный, настолько изобретательный в достижении цели, что самому дьяволу сто очков вперед даст. А дальше Павел стал высказывать мысли вслух:

– Я знаю парочку уникальных эпизодов из жизни предприимчивых особ, которые добывали себе детей чуть ли не фантастическим способом, потом подавали на алименты, а бедняги-папаши впервые видели матерей своих детей сразу в суде.

– А, да, слышал такое, добывают биоматериал и оплодотворяют себя, – не удивился Антон. – Подкупают персонал в гостиницах, когда объект едет с женой или с любовницей на отдых, добывают презерватив после секса, если жертва им пользуется, дальше дело техники.

– Все-то ты знаешь.

– Что вы, Павел Игоревич, далеко не все. Но стараюсь заполнить пустые ячейки в голове.

– Тогда скажи, если бы с тобой приключился подобный казус, как бы ты думал на моем месте?

– Ну... – выпятил нижнюю губу Антон. – Я бы решил, что у Лоры далеко идущие планы на мой счет.

– Во-от, – протянул Павел, выставив указательный палец. – Одно напрягает лично меня: я не та фигура, чтобы за мной так охотиться. Отсюда вытекает вопрос: что же надо внезапно свалившейся Лоре на самом деле? Скажи, ты сможешь взять у мальчика пробы на анализ, но так, чтобы он не заметил и не рассказал ей?

– Запросто.

Несмотря на молодость, этот парень, недавно отметивший двадцатисемилетие, занял прочное место в их системе, он побывал в горячей точке, напичкан знаниями, словно многотомная энциклопедия, все они касаются ее величества медицины. В общем, Антоше можно доверять, но это что касается лично Павла, а как отнесся бы Феликс к намерениям посвятить и Корикова? Вряд ли ему понравится, все же Павел решился:

– И второе дело... Даже не знаю, как сказать. Антон, у меня бредовая мысль, но отнесись к ней серьезно, хотя, правду скажу, я сам не уверен...

– Да что случилось, Павел Игоревич? У вас такое лицо, будто вам предъявляют обвинение в тяжком преступлении.

Шутка не удалась, ибо Терехов мрачно выговорил, как будто слова не желали слетать с его языка:

– Не мне. И пока не предъявляют. Улавливаешь, что за слово – «пока»? Мне кажется, Феликса подставляют с убийством в доме Елагиных...

Зоя Артемовна первой пришла домой.

...было это в половине пятого, она неплохо провела время с Тамарой: гуляли, сходили на выставку, перекусили в ресторане. Только сердце иногда тревожно толкалось, когда вспоминала, что дома находится вредоносное существо, туда не хотелось идти. Тамара исподволь

наблюдала за ней в ресторане, ее подавленность заметила и положила ладонь на запястье несостоявшейся свекрови, когда Зоя Артемовна очередной раз застыла, мягко вернув ее в настоящее:

– Что вы так переживаете? Павлик уже взрослый, разберется. Или вы боитесь, что он до сих пор любит Лору?

– Не думаю, – отрицательно покачала головой Зоя Артемовна. – Но ты права, я боюсь. Не проходит у меня ощущение ловушки с приездом Лоры.

– Вы говорили, мальчик похож на Павлика, – напонила Тамара.

– Похож... – тяжело вздохнула Зоя Артемовна. – Но Павел категорично отрицает причастность к рождению Тимы. Я сыну верю.

– Но это глупо выглядит: Лора привезла чужого ребенка, чтобы выдать его за сына... Как-то нелепо. Подобный обман легко вскрывается в наше время, тем более Павлик следователь. Лора в курсе его должности?

– А я про что! – вскинула ладони кверху Зоя Артемовна. – Никому в справке адреса работников правоохранительных органов не дают, но она как-то добыла, значит, что-то задумала, этого я и боюсь.

– Вы просто монстра рисуете.

– Ай, – отмахнулась Зоя Артемовна, – до монстра ей далековато, но проблем эта особа может создать немерено, например, репутацию подмочить Пашке. Только вот зачем ей это надо?

– Кого нынче удивишь подмоченной репутацией? – рассмеялась Тамара, чтобы хоть немного смягчить тревогу Зои Артемовны. – Это несерьезно, звезды эстрады и кино соревнуются, кто круче скандал соорудит.

Зоя Артемовна брезгливо поморщилась:

– Нам скандалы не нужны, мы их не любим.

Однако с этими мыслями она и вернулась домой, первым встретил ее Тима, он кинулся обнимать бабушку:

– Я тебя ждал. И папу ждал. Ты нам не рада?

М-да, от мальчика веяло дрессурой, он явно заучил фразы, или бабушка стала излишне подозрительной. А тут и мамочка появилась с лицом страдальницы, не хотелось обижать ребенка сухим тоном, а на большее Зоя Артемовна пока не способна, пришлось к Лоре обратиться:

– Объясни ребенку, что я работаю.

– И в воскресенье? – поддела ее Лора.

– Особенно в воскресенье. Ты должна знать, что в Доме детского творчества именно воскресенье самый напряженный день. Ты же водила сына в кружки, раз он компьютер знает лучше тебя. Тима, ты и читать умеешь, верно?

– Конечно! – воскликнул Тимофей. – Мне же через три месяца будет семь лет, я взрослый, а читать научился, когда было четыре года и...

К ним подлетела Лора, она уже не сердилась, но у Зои Артемовны возникло стойкое ощущение, что она решила что-то замаять:

– Я не знала, Зоя Артемовна, что вы работаете в Доме детского творчества. Тимочка, иди в нашу комнату, жди папу. (Мальчик убежал без разговоров.) Я приготовила обед, будете?

– Спасибо, я поела в ресторане со знакомой, да и время уже не обеденное. Пойду отдохну.

– Жаль, я старалась...

У Лоры симптоматично задрожали губы, она собралась заплакать, Зою Артемовну кольнула совесть, упрекнувшая: мол, как нехорошо обходишься с матерью внука. Совесть тут же была задавлена воспоминаниями о неприятных моментах, связанных с этой акулой, которая умеет вызвать жалость к себе легко и непринужденно. Потому Зоя Артемовна, проигнорировав реплику, отправилась в свою комнату, в спину ей Лора бросила:

– Вы из-за нас с Тимочкой из дома убежали?

Зоя Артемовна повернулась к ней и спокойно сказала:

– А ты не изменилась, весь мир обязан крутиться вокруг твоей персоны. Извини, но у нас после тебя была и есть своя жизнь: обязанности, привязанности, работа, надеюсь, так и будет впредь. Павлик дома?

– Нет. Он с утра ушел и еще не вернулся.

– А у него теперь работа, забирающая все его время, а не от звонка до звонка. Ты в курсе, кем он работает?

– Конечно. Он следователь.

«Страх не вижу, – подумала Зоя Артемовна, сканируя ее взглядом. – Значит, говорит правду: Тима сын Пашки». Ну тут и цели Лорика выплыли сами собой, она хочет вернуться в их семью... чего категорически не желает бывшая свекровь.

Поздний вечер стал в некоторой мере...

...передышкой после многочисленных сюрпризов, от которых у Павла голова реально гудела. Лорик – черт с ней, со временем он разберется, с чем она пожаловала, в мозгах застряло другое: брелок, стакан, отпечатки, пистолет, глушитель... И Феликс, конечно. Все эти позиции Павел старался связать, понять – вот и не спалось ему. Искал в архивах криминальной хроники схожесть хотя бы приблизительную и зря потратил время, не бывает одинаковых улик, преступлений, расследований. Несведущим чудится похожесть, а специалист найдет массу различий. Павел и не надеялся встретить идентичность, вот если б какую-никакую идею выудить из хроники, мотив получить...

Глаза устали, Павел потянулся и завалился на кровать, закинул за голову руки, смотрел в потолок... Брелок, стакан, отпечатки из головы не выходили. Скрипнула дверь, у нее протяжный звук, когда открывают, эту особенность знает мама и чуть придавливает ее ногой, прежде чем открыть. Павел повернул голову – вот те на! Лора уже закрывала за собой дверь, он бросил ей:

– Воспитанные люди стучатся.

– Чш! – приложила палец к губам Лора, идя к нему и плутовски улыбаясь. – Не кричи, а то всех разбудишь.

Халатик полупрозрачный, под ним слегка просвечивает тело, на теле, кажется, ничего нет, если только белье не телесного цвета. Как говорит Женька Сорин – ничёсе! Лора присела на край кровати (белья на ней нет), ну-ну. Павел молчал, а стоит ли говорить? Разумеется, он догадался, зачем она притащила свое роскошное тело в данную минуту к нему, и выжидал, про себя потешаясь. Поскольку Павел не проронил ни слова, ей почудилось, он выпал в осадок, Лора приступила к обольщению:

– Не ожидал?

– Разумеется, нет.

– А я иду мимо, смотрю – у тебя свет...

– Серьезно? Как же ты могла идти мимо, если моя комната последняя, за ней тупик, а твоя комната в другом конце квартиры?

– Ха-ха-ха-ха... Ну, я увидела свет на полу из-под двери.

– Дверь пора заменить, закончу дело и займусь этим.

– Что за дело, которое вспоминается по такому пустяку и в такой час? – растопырила она глаза.

– Ты хотела сказать, при таких обстоятельствах?

Павел красноречиво провел рукой на дистанции вдоль ее силуэта, небрежный жест дал повод стать смелей, не успел он глазом моргнуть, а Лора уже без халата стояла во всей нагой красе. Она осталась довольна произведенным впечатлением – у Павлика глаза на лоб полезли, дар речи пропал, ну так есть от чего офигеть, ни одного мужика не найдется, чтобы он не

захотел этого тела. Лора поставила одно колено на кровать, неожиданно наклонилась к нему, упираясь руками о подушки, и, приблизив лицо к его лицу, заговорила тихо, проникновенно:

– Павлик, я так мечтала об этом дне...

– Сейчас ночь, – тихо поправил он.

– Да, ночь... О ночи тоже мечтала... с тобой... Ты же помнишь, как нам было хорошо? Я помню... все-все помню...

И Лора порывисто потянулась к его губам, дабы закрепить успех страстным поцелуем, но Павел прикрыл ее ротик своими пальцами, охладив пыл совершенно спокойным тоном:

– Лорик, извини, поезд ушел далеко, я теперь люблю кожу да кости, а не роскошные формы.

Она снова растопырила глаза, выпрямилась:

– У тебя кто-то есть, Павлик?

– А твое какое дело? – ухмыльнулся он.

– Я лучше, ты же знаешь, ты очень хорошо это знаешь.

Он сел на кровати, поднял с пола ее халатик (рука-то длинная) и протянул ей без лишних слов. Не взяла.

– Лорик, я не любитель наступать на грабли.

– То есть я... грабли? Хм, каким грубым ты стал.

И вырвала халатик из его руки, нехотя натянула, завязывая пояс, вдруг заговорила человеческим голосом, без этих – вздыханий поддельной страсти:

– Ты не знаешь, как трудно одной... Я думала, это славная игрушка – малыш, но с первых дней зашилась, потому что была одна. Ни жилья своего, ни денег... Волонтеры помогали, потом... нашла работу на удаленке, стало чуточку легче. Потом научилась управляться, сейчас очень даже неплохо устроилась. А какой у нас Тимочка... он жутко умный. И на тебя похож, ты же видел...

– Иди спать, у меня завтра очень трудный день.

Бедняжка поплелась к выходу, у двери остановилась, не оборачиваясь, сделала последнюю попытку:

– Мне тридцать лет, я многое поняла и хочу начать сначала.

– Ты только хочешь, а я давно начал сначала.

Лора повернулась к нему и бросила с упреком:

– Ну, хоть бы сексом занялись по старой памяти.

– Ага, а потом скажешь, что от меня ты родила десять негритят.

– Ну и дурак ты, Пашка.

Когда она ушла, он подумал, что надо бы теперь в комнате внутренний замок поставить, щекотда будет в самый раз, а то эдак чести лишат.

Часть вторая

Конец – это только начало

Феликс позавтракал в полном молчании, да и воскресный день провели как-то нерасходно, в похоронном режиме. Настя не приставала к нему, причины депрессии знала, понимала, что он очень расстроен, она сидела за столом, подперев щеку ладонью и не притронувшись к еде на тарелке. Наконец Феликс поднял глаза на свою юную жену, невольно залюбовался ею и улыбнулся. Она, правда, красивая – зеленоватые умные глаза, яркие губы, черты гармоничные, притягательные. Но это не все, редко к красоте прилагаются отличные качества, она и хозяйка, и мастерица, к тому же единственная, кому удастся строить Феликса.

– А ты почему не ела? – заметил он.

Посмотришь на Феликса при первой встрече, первое впечатление, что он человек, избалованный женским вниманием, цену себе знает, эпатажный, языкатый, короче, брутальный в самом лучшем смысле этого ненашенского слова. Едва Настя увидела его в кабинете следователя, короткая мысль пронеслась: мой, но придется муштровать, и это было в двадцать два года. Да, у нее практичный ум. Но кто бы мог подумать, что Феликс нежный, любящий, заботливый без муштры? Настя улыбнулась, ответив:

– Люблю смотреть, как ты ешь. Уйдешь, у меня времени будет полно, вот и поем. А у нашего Вовки прорезался зуб.

– Так мы теперь по ночам спать будем? – оживился Феликс.

– Да, – рассмеялась Настя. – Пока не начнет резаться второй, думаю, передышка будет небольшой. Ой, тебе пора!

Взглянув на часы, он подскочил, ринулся в прихожую, сосредоточенно и быстро одевался, но когда хотел выйти, Настя окликнула его:

– Стой! – Подошла вплотную к мужу, обняла за шею.

Поцелуй перед работой – традиция, это пожелание отличного дня, успехов и обещание со стороны Насти ждать мужа. Феликс еще чмокнул ее в нос и выбежал из квартиры.

* * *

Он выслушал Терехова и молчал, потирал ладони, выпятив губы и глядя в одну точку, но это взгляд невидящий, точнее, видящий нечто очень далекое. Пауза настолько длинной получилась, что Павел заскучал, нет, он тоже думал, но ничего не шло на ум, в голове один вакуум. Они сидели в кабинете Терехова, в котором только стол и стулья, даже занавесок нет, зато графин с водой имеется в качестве интерьерного украшения, стоит на подоконнике и на стеклянном подносе с двумя стаканами. Павел просил Феликса приехать на полчаса раньше до ребят, дескать, кое-что нужно обсудить, а обсуждать нечего – идей не родилось.

Но вот Феликс развел ладонями и поднял плечи, следовательно, и у него ноль версий – это плохо. Понятно, мужика накрыл когнитивный диссонанс: улики указывают на него, в то же время они противоречивы и грубо сколоченные, однако Павлу хотелось бы услышать что-нибудь дельное, надо же определиться, и он услышал, правда, пришлось еще немного подождать:

– Значит, Вера не стреляла... вообще-то, я не сомневался. Дальше, брелок мой... Да, его Настя подарила с надписью – «Не дури», это напоминание, чтобы меня не заносило, я же не совсем сдержанный в отличие от тебя. Не знаю, где его потерял, честно. Однажды вдруг заметил, что брелока нет.

– Однажды? – оживился Павел. – Когда, где, в какой момент заметил? Думай, у оперативников память тренированная, а ты еще и следователь.

– Когда? – напряг память Феликс. – Приехал домой вечером и на площадке собрался открыть дверь. Достāju ключи, а они легкие, смотрю – нет брелока, хотя он держался крепко.

– Ключи с тобой? Дай.

Павел взял ключи, висевшие на стальном кольце, к которому прикреплена довольно толстая и плоская цепочка, при этом ключи свободно двигаются по кольцу, а цепочка припаяна намертво. Но что он мог рассмотреть?

– Давай отвезем Огневу? – предложил он.

– Отвезем, – безнадежно вздохнул Феликс.

– Теперь стакан, – напомнил Павел. – Думай.

– Да где угодно я мог пить из бумажного стакана, – промямлил Феликс. – Хотя бы в кафетерии за углом! Кофе, чай, сок... или в кафе обедал и... Естественно, стакан оставлял на столе. Не знал, что надо забирать вилки, ложки, тарелки, впрочем, меня привлекли бы за воровство.

Павел сидел напротив, опустив голову и будто бы уткнувшись в протокол с места преступления, на самом деле он слушал Феликса, они же друзья, это ко многому обязывает. Не поднимая головы, он посмотрел на Феликса, на слух тот говорил тягуче, можно решить, что не придает значения уликам, однако это не так. Опыт всегда заставит крутиться мозги в одном направлении, что и подтвердил Феликс:

– Ты меня подозреваешь?

– Что за чушь! – ответил Павел в его же тягучей тональности. – Я думаю, случайно эти улики в доме или...

– Случайно брелок и стакан с моими отпечатками? На стакане свежие, на брелоке... Да, это было неделю назад, я имею в виду, когда обнаружил, что его нет. Уверен, что все это не случайно.

– Вот я и хочу понять, где нам соломку подстелить, – уныло произнес Павел. – Допустим, брелок ты потерял у Руслана, но стакан... Его нашли на видном месте.

– Ага, я такой дурак, оставил бы улику на виду? Две!

– Ты нет, а убийца оставил стакан с твоими отпечатками. Интересно, где он взял этот чертов стакан? Если еще и волосы окажутся твоими, то...

– Какие волосы? – встрепенулся Феликс.

– Огнев нашел небольшой клочок волос на груди Веры, ты просто не обратил внимания, а мы оформляли их при тебе.

– Не помню. И что?

– Нужно провести экспертизу как можно раньше. Результат экспертизы должны представить в течение тридцати дней, это уже время. Помнишь, раскрытие дела сладкой парочки, у нас на него ушло чуть больше половины месяца, а всем казалось оно безнадежным. Сейчас у нас тридцать дней, надо будет – затянем. Вспоминай, где пил воду и оставлял стакан за день-два до убийства.

– Нет-нет-нет! Это невозможно!

Феликс подскочил и заходил по кабинету, как раненый тигр. Ноги у него длинные, а кабинет небольшой, замелькал он перед носом Павла, как маятник в ускоренном режиме, и рычал по-тигриному:

– Я водохлеб. Пью воды много, делаю это машинально. А ты что, запоминаешь, когда и где пьешь воду? Никто не делает акцент на машинальных действиях. Это то, что наш мозг пропускает, говорю тебе как опер со стажем, я лучше психологов кое в чем разбираюсь.

– Тогда, психолог, не мелькай. У меня перед глазами рябит от твоего туда-сюда... – сказал Павел мирным тоном и дождался, когда Феликс буквально рухнет на свое место. – Вспоминай с точностью до минут, где был двадцать четвертого октября в ночь убийства.

– Тут и вспоминать нечего, дома был! – разорвался тот. – Я теперь все время дома. Мне нравится быть дома с женой и сыном. Как только освобождаюсь, бегу туда. У Вовки режутся зубки, Настя замучилась, я сменяю ее – хожу с ним на руках по квартире, а она управляется по дому или просто отдыхает. Кстати, зуб прорезался. Один.

– Это хорошо, что прорезался, – задумчиво и уныло произнес Павел. – Но ты же знаешь, Настя не может быть свидетелем, она заинтересованное лицо.

– Извини, других нет, только сын и жена.

– И никуда не выходил?

Тот лишь отрицательно покачал головой, это означало, что ни в многоквартирном доме, ни рядом с домом его никто не видел, пресловутого алиби у Феликса нет, а оно может понадобиться. Павел с минуту думал, потирая подбородок, кстати, небритый почему-то, что удивило Феликса. Терехов педант, он всегда в костюме и при галстукке, выбрит и пострижен, туфли как из магазина – начищены до блеска. От него за десять шагов несет положительностью, именно так воспринимают Павла окружающие, а Терехов, между прочим, бывает всяким, нетерпимым тоже, правда, грань никогда не переступает.

– Свежие отпечатки... не свежие... – заворчал Феликс. – Идиотизм. Паша, а не слишком ли много ты придаешь значения дурацкому, я повторю – дурацкому! – совпадению? Я бывал у Елагиных, иногда часто, иногда редко.

– Согласен, ситуация дурацкая, – проговорил Терехов, однако следом предоставил контраргумент: – Но все улики мы оформили, черт, как назло! А бывает с нарушениями... но не в этот раз.

– Ай, – отмахнулся Феликс, – не хуже тебя знаю, что теперь ничего не скрыть. Но я без понятия, как попал стакан туда! Никогда не видел у Веры бумажной посуды, стеклянные есть, фарфоровые чашки есть, кружки... фаянсовые. Глупо все выглядит.

– Не-ет, друг мой, нет, – протянул Павел, качая головой. – Твоих друзей, между прочим, одноклассников, находят мертвыми. Руслан застрелен, Вера с пистолетом без видимых признаков насилия на полу. Но не она стреляла. Раз стреляла не Вера, то по логике и она убита, Антоша Кориков скоро нам расскажет точно. Мы на самых видных местах находим улики, две уже указывают на тебя... Считаешь это глупой случайностью, совпадением? Я в совпадения не верю даже в единичном случае. Не хочу делать заранее прогнозов, но... Феликс, нам лучше подстраховаться.

– Не понимаю, ты про что?

– Все ты понимаешь, просто не хочешь верить в этот абсурд, как и я не хочу, но пытаюсь просчитать на несколько шагов вперед на тот случай, если абсурд окажется реальностью. Время есть, мало, но оно есть.

– Пашка, это же сговор, укрывательство, начальство узнает...

– Без лирики, – буркнул Павел. – У нас нехорошее начало, неизвестно, какими делами твои друзья занимались...

– Криминала за ними нет, я бы знал.

– Поживем – увидим. Друзья могли не говорить о своих связях, покопаемся в их жизни, а ты... Короче, а ты, Феликс, копайся в своей памяти, ищи врагов. Настоящих, сильных, жестоких и очень изощренных.

В это время распахнулась дверь, ворвались Вениамин и Женя, оба взмыленные и запыхавшиеся, первый побежал к графину и стал наливать воду, второй плюхнулся на стул и доложил:

– Мы опоздали. Извиняюсь. Каюсь. За нас двоих.

– Опять пробки? – усмехнулся Павел.

– Они, они, – закивал Женя. – Вот скажите, куда люди едут? Мы на работу, а остальные куда?

– Вопрос, конечно, интересный, на досуге и подумай, а сейчас... – поднимаясь с места, проворчал Павел. – Ребята, вы у нас самые молодые, нервы у вас стальные, в вашу задачу входит поговорить с родителями Руслана и Веры. Это срочно. Добыть список друзей, подруг, врагов, коллег.

– Павел Игоревич, а вы, значит, у нас глубокий старик? – спросил Сорин.

Ох этот Женя! Не упустит возможности поддеть непосредственного начальника, но к его фразе не придерешься, она сказана тем самым благодушно-ироничным тоном, который всех забавлял, а не раздражал.

– Довожу до вашего сведения, – повысил голос Павел. – На руках жены убитого нет пороховых частиц, значит... что?

– Не она стреляла, – почти в унисон сказали Сорин и Веня.

– Верно, экзамен сдан на отлично. – И Павел распахнул дверь. – Господа, прошу на выход. Вениамин парень молчаливый, но...

...наблюдательный, обстоятельный, в противоположность Женке он весьма серьезный субъект, так ведь в столь юном возрасте участковым работал в деревне, причем единственным. Веня плотный, набитый, как боксерская груша, похожи они круглыми физиономиями с Антоном Кориковым, а вот черты разные – у Антона нежно-подростковые и мужицко-деревенский фейс у Веника. Именно так охарактеризовал его Женя Сорин, однако кличку Веник припаял ему языкатый Феликс, а Жене – Сорняк.

Нелегкое дело склонить к показаниям убитых горем родителей, а сначала ребята приехали к родителям Веры, те не желали ни с кем общаться. Только мысль, что убийца будет найден и понесет наказание, заставила их собраться и поговорить с оперативниками. Поодиночке разговаривать отказались, в данном случае это и неважно, в конце концов, их показания не планировалось сверять, а требовалось всего лишь выудить полезную информацию о дочери и зяте.

Когда ребята работали вдвоем, вопросы задавал Женя, а протокол писал Вениамин, хотя на месте преступления Терехов просит работать писарем Сорина, он без ошибок пишет. Что в Женке удивляло Вениамина, так это умение перерождаться из интеллектуала-сноба в симпатичного парня, способного слушать, сочувствовать, вызывать доверие. Откуда что берется! Главный вопрос к родителям Веры, точнее, необходимый:

– Скажите, у Руслана или у вашей дочери были враги? Кстати, враги могли быть у обоих одни и те же.

Родители еще не старые люди, им пятьдесят пять и пятьдесят семь, они в хорошей форме, мать Веры беззвучно плакала, вытирая слезы, отец отрицательно покачал головой.

– Вы уверены? – спросил Женя.

– Мы если б не знали, то догадались бы, поверьте, – сказал отец. – Ребята росли на наших глазах, поженились, жили...

Бедная женщина уронила голову на плечо мужа, он обнял ее за плечи, Женя поспешил задать следующий вопрос:

– А между ними какие отношения были?

– Счастливая, дружная семья, – продолжил отвечать отец.

– И ничего необычного с ними не случилось за последнее время?

– Мы бы первыми знали.

Вениамин вступал лишь изредка, когда Женка тормозил, а большие паузы ни к чему, как правило, они ведут к завершению опроса, он сказал:

– Поймите, в нашем огромном городе не каждый день происходят такие трагические события. Была счастливая семья, и вдруг обоих супругов не стало.

Неожиданно мать Веры ожила, отстранилась от мужа:

– Русика застрелили, а почему умерла наша дочь? Нам ничего не сказали... Почему нам ничего не сказали о причинах смерти Веры?

– Покажет вскрытие, – заверил Веня.

– Да, – подхватил Женя, – видимых причин не обнаружено, поэтому надо дожидаться вскрытия, наберитесь терпения.

Вышли из квартиры практически ни с чем, правда, получили наводки на подруг Веры, всего три, но с оговоркой: встречались девочки редко. Редко – ха-ха, это не подруги, а попутчицы. На прощание Женя дал визитку Терехова, продиктовал номера телефонов своего и Вениамина, просил позвонить, если вдруг вспомнят хоть что-нибудь полезное, или странное, или нелепое. Спускаясь по лестнице, он попросил:

– Ощущаю себя садюгой безжалостным: у людей горе, а мы к ним пристаем. Веник, давай сегодня не будем опрашивать родителей Руслана? Завтра, а? Или послезавтра, а? Все равно нужно знать, что вскрытие покажет, без этого никак.

– Я только за, мне тоже не в кайф. – Вениамин достал телефон и позвонил.

– Алинка, это я... Понял, что ты не глухая, а языкатая. Короче, я освободился, а ты когда?.. Не взломала телефон убитого?.. А его жены? Ладно, ждем... Сорняка отвезу и подъеду. Пока.

К этому времени подошли к машине, открывая дверцу, Женя не удержался, чтобы не подколоть друга:

– Мент и девушка-хакер... Вау, это союз круче химеры. Веник, ты знаешь, что такое химера?

Вениамин сел за руль, достал телефон и позвонил:

– Алина, что такое химера?

– Тебе прямое толкование или перенос на быт? – задала встречный вопрос Алина, у них с Вениамином роман.

– Сначала прямое.

– В мифологии это чудовище с головой льва, туловищем козла и хвостом гадюки, плюется огнем, а проще, химера – это соединение несоединимого.

– И все?

– А в быту химерой называют мечту идиота. Все, пока! А то меня сейчас ваш Левченко за разговорчики с кашей съест.

Вениамин показал Жене смартфон, дескать, тебя ответ насчет химеры удовлетворил? Тот закатился от хохота, хотя, по мнению Веника, повода не было, в то же время он, снисходительно улыбаясь, тронул машину с места.

Ожидание – хуже наводнения, стихия...

...мобилизует силы, заставляет действовать, а пассивное ожидание ввергает в уныние, особенно Феликса, который переживал, но тщательно скрывал это постыдное (наверняка он так думал) состояние. Он тоже холерик, ждать, бездействовать, ныть – не в его духе, открыто нетерпения не проявлял, но Павел угадывал его состояние по мелочам, казалось бы, незначительным. По молчанию – никакой темой невозможно заинтересовать, по напряженным взглядам на дверь, откуда должен появиться Покровский и Кориков, по резким вставаниям с кресла, остановкам во время хождения и прочей ерунде, на которую обычно никто не обращает внимания, – значит, психует.

Не удалось отвлечь его и обедом, сходили в ближайшее кафе, потом вернулись, тогда Павел рассказал о своей проблеме – все равно бы рассказал, потому что ему понадобится

помощь. На какое-то время Феликс отключился от магической двери, притягивающей его внимание, задал логичный вопрос:

– Ты уверен, что мальчишка не твой?

– Проведем тестирование – увидим.

– А какой смысл ей врать?

– Верно, никакого... Понимаешь, Лорик обладает качествами, свойственными авантюристам, в мирных целях это приносит положительный результат, но не все служат мирным целям. А моя бывшая – это фигура другого порядка. Ладно, не бери в голову, с этим я справлюсь, лишь бы сейчас... О! Это за нами.

Феликс оглянулся – в дверях лаборатории стоял Корилов, он кивнул головой, мол, заходите. Профессор Покровский – человек большой в прямом смысле – высокий, возрастная полнота (умеренная) его еще увеличила, глаза с прищуром казались хитрющими. Некоторые считают, у профессора обязательно должна быть борода – есть, короткая и седая, потому что, как он сам утверждает, бриться лень, проще в салоне раз в месяц бороду подправить. А волосы без седины, черные, как и глаза, короче, пожилой красавец, дамы и сейчас на него заглядываются.

Покровский сидел в углу за столом, на котором и бумаг много, и монитор, и книги, и чего только нет, он махнул лапищей, призывая к себе. Ребята подошли, Леонид Львович указал на стулья и, как человек никогда не унывающий, начал с позитивной ноты:

– Итак, исследования провели, есть у меня кое-какие соображения, но о них позже. Так... Будете смотреть, сравнивать?

– Нет, – буркнул Феликс. – Сразу скажите.

– Хорошо. Волосы, которые мы взяли у тебя, и волосы в конверте идентичны. Не кисни, не кисни. Все же послушай мои соображения. Клочок спутанных волос взят с разных частей головы...

– Полагаете, Леонид Львович, я бы не заметил, если б меня дергали за волосы? – вставил потухший Феликс.

– Не перебивай, – бросил ему небрежно Покровский. – Именно этот клочок показывает, что волосы подброшены. Как он мог попасть на грудь? Ну, вот, смотрите, фотографии прислал нам Огнев.

На мониторе появилось изображение части шеи, ключицы и грудь. Покровский водил остро заточенным карандашом по монитору, комментируя:

– Ребята, где вы видели, чтобы волосы клочком лежали на труп? Эксперты с лупой исследуют место преступления, чтобы отыскать пару-тройку волосков, по одному собирают, если повезет. По одному! Вы понимаете? Клок вырывают жертвы, но он иначе выглядит и с одного места головы.

– А у нас в наличии спутанный маленький клочок, – понял Павел, что хочет услышать Леонид Львович. – С разных частей головы.

– Вот именно! – прищелкнул пальцами профессор. – Небольшой, но заметный, ни один эксперт не пропустит эдакое счастье. Обычно эксперты находят волоски под ногтями, между зубов, на одежде убитых и рядом, на ковре и на полу, на постели. Чувствуете радиус? В этом случае волоски могут упасть с разных частей головы.

– А что означает клок из разных волос? – осведомился Павел.

– Их тоже собирали, – сказал профессор. – Но в разное время и на разных участках, например на воротнике, на плечах, на рукаве. Сбор осуществлял человек малокомпетентный, возможно, не один, но это недоказуемо. Он не знал, что различные волосы в одном пучке встречаются только на расческах.

– Это невозможно! – разбушевался Феликс. – Я бы заметил любого, кто вокруг меня вьется.

– Не скажи, – не согласился с ним Покровский. – Это могло случиться на рынке, в магазине, да где угодно. Человек ходит за тобой, замечает упавшие волосы, берет их – никто не обратит внимание на манипуляции с руками. К сожалению, на волосах не бывает отпечатков, м-да. В парикмахерской, в конце концов, могли взять именно с расчески. Ты же ходишь стричься к парикмахеру?

– Давно не ходил. Меня жена стрижет, она экономная и все умеет.

– Короче, ребята, – отмахнулся профессор. – Снять волосы с одежды незаметно – пара пустяков, уж поверьте мне на слово.

Потирая лоб, Феликс зажмурился, дабы лучше представить охотников за его волосами, и вдруг до него дошло:

– Получается, вся эта бодяга придумана задолго?

– Похоже, – кивнул Покровский, довольный собой, то есть своей работой. – Лично у меня другого объяснения не имеется, каким образом спутанный клочок попал на грудь женщины. А попал он так: его просто положили на мертвое тело. А ты что скажешь, Антон? Давай, у нас демократия.

Кориков подпирал стенку спиной, стоя напротив трех человек и скрестив на груди руки, в диалоге не участвовал. После вопроса Покровского он выпятил нижнюю губу, пожал плечами, что считается однозначно: Антон в затруднении, однако он поддержал Покровского:

– Я согласен с вами, Леонид Львович, но у меня детский вопрос. Ваши выводы будут убедительными на сто процентов?

– Понимаешь, Антон, есть люди, которых не убедишь, что у кошки четыре ноги, они считают и хвост ногой – пятой, ведь кошка иногда упирает его в землю. Если нет других улик – вполне...

– Есть, – вздохнул Павел. – В том-то и дело, что есть.

Кратко он рассказал о находках, отпечатках, что накопил Огнев, и развел руками, дескать, мы в тупике. Покровский насупился, задумавшись, но мысли высказывал вслух:

– Грубая работа, очень грубая... А пара погибших твои друзья, Феликс... Кхе, какое милое совпадение. Ну, это подстава, друг мой, и ее... да, готовили. Вы, ребята, думайте, почему такая топорная работа проделана.

– Интеллектуальный уровень упал во всем мире, Леонид Львович, – нашелся ответ у Антона. – Мы не исключение, а преступники тем более спустились к плинтусу.

– Ну, может быть, – не спорил тот. – Вот что, Антон... займись-ка ты в срочном порядке женой убитого, остальных пока по боку, подождут. Группе Терехова нужно знать причину смерти, здесь принципиальное значение имеет каждый наш пункт в актах, ведь кто-то задался целью закопать Феликса, а мы должны помешать.

– Я уже начал с ней работать, – сообщил Кориков.

– Отлично. Исследование крови есть? В подобных случаях кровь может рассказать много интересного или не рассказать, если упустить время.

– Отдал на анализ кровь, – потупился Антон. – У меня была незаконченная работа, но девчонки из лаборатории обещали сделать на десять баллов.

– Если возникнут затруднения, зови, я тотчас приеду. А вы, ребята, будьте теперь внимательны, не пропускайте ни одной мелочовки. Я, конечно, не следователь, но в нашей системе работаю давно, а потому с уверенностью могу сказать: раз так круто и так грубо взялись за Феликса, то... надо быть на стреме ежеминутно, причем всем, кто работает с вами. Ну-с, господа, на сегодня все. Феликс, нос не вешать! Ты в хорошей команде, ребята не дадут тебя в обиду. Обращайтесь, мальчишки, со своей стороны гарантирую любую помощь.

Профессор хлопнул себя по коленям и резко встал на ноги, попрощались, пожав друг другу руки, к лифту шли скорым шагом. Феликс хмурился и смотрел в пол, собственно, было бы странно улыбаться на его месте.

– Антоша, а как твоя бомжиха? – вспомнил Павел и незаметно для Феликса подмигнул ему.

– О, это шедевр! – подхватил Корилов, догадавшись, что нужно увести от предыдущей темы. – У нее нет органов, одни сгустки в форме сердца, печени, почек... Не понимаю, за счет чего она жила! А знаете, сколько ей лет было? Сорок! Мне крепко повезло, что в руки попала полная развалина. И не повезло, потому что работы полно. Но я заспиртую это чудо по частям, потом займусь описанием. Между вашими трупами, думаю, времени хватит.

– Это ж сколько спирта уйдет на твой шедевр? – подключился Феликс, но очень невесело.

– Ради моей бомжихи я готов купить цистерну спирта на свои кровные.

– Говоришь как влюбленный... в труп.

– Выше бери, Феликс, выше. Я ученый... э... надеюсь, что стану ученым. В этом смысле – да, я люблю все, что помогает углубить мои знания. Ой, смотрите, лифт приехал, бежим, а то ждать будем...

Ух как рванули все трое – спринтер позавидовал бы.

Стоило ему вставить ключ, Зоя Артемовна...

...открыла дверь, чему Павел удивился:

– Ма, ты ждала меня в прихожей? – Он не мог не рассмеяться. – Тебя так достали наши гости?

– Сынок, меня достал ты, – сердито ответила мама, закрыв дверь, ведущую из прихожей в комнаты.

– Чем я заслужил твой гнев?

Он неторопливо снял куртку, так же неторопливо вешал ее в шкаф, тогда как Зоя Артемовна говорила яростным шепотом и очень при этом торопилась:

– Павлик, я всегда считала твою работу ценной, необходимой, я всегда старалась создать тебе все условия... Но сейчас, когда в нашем доме гадюка, ты не мог бы приходить домой, как все нормальные люди – вовремя?

Разве мог Павел пообещать то, что никогда не выполнит? А всего не расскажешь, тем более когда в доме чужие уши, но оправдаться попытался:

– Ма, у нас рабочий день ненормированный. Честное слово, сейчас огромная проблема свалилась на нашу группу, вопрос жизни и смерти, поверь...

Дернув плечами и сбросив его руку, она осталась непреклонной:

– Павлик, у меня тоже проблема! Я не выношу ее щебет, а она постоянно лезет общаться, когда я дома. И потом, дорогой, мы оставляем ее в квартире, однажды вернемся, а здесь одни стены, ты этого не допускаешь? Я отнесла кейс с ценностями к Тамаре.

– А у нас ценности есть? – шутливо спросил Павел.

– Слушай, мне надоели твой пофигизм и этот тон...

Зоя Артемовна метнула в него взгляд василиска и сказала то, чего не хотела говорить, да вырвалось:

– Ночью я видела, как она выходила из твоей комнаты! Почти в костюме Евы! Приехала снова выйти замуж за тебя, да?

– Ах, вон в чем дело! – И сын рассмеялся, смешно ему, видишь ли. – Ма, успокойся, Лора как пришла, так и ушла ни с чем. Мама, твой сын не дурак. Или ты сомневаешься во мне?

– Сомневаюсь, а что, не должна? – призналась Зоя Артемовна. – Просто я хорошо помню, как на тебя действовала эта... Лора. Запомни, Павлик, если твоя... бывшая поселится здесь, я уйду из дома.

– Куда? – вытаращился он.

– К Тамаре. Места у нее много, она скоро родит, я буду нужна ей и ребенку, моему внуку или внучке. Тимочка хороший мальчик, но раз ты говоришь, что он не твой...

– Мама! – Павел обнял ее. – Лора никогда здесь не поселится.

– Уже поселилась, чувствует себя как дома, странно, что ты этого не замечаешь. Ах да, ты же не бываешь дома.

– Потерпи, пожалуйста. Я хочу знать...

– Ой, а что вы тут стоите в прихожей?

Конечно, это она заглянула, неожиданная и незваная Лора-Лорик, Зоя Артемовна быстро сообразила, что ей сказать, лишь бы вопросов не было:

– Павлик хочет уйти к приятелю. Когда у них сложное дело, они работают сутками. А я не пускаю.

И с вызовом посмотрела на сына, мол, как тебе мое вранье? Следом Зоя Артемовна сурово свела брови к переносице, дескать, из-за тебя все. Павел развел руки в стороны и поднял плечи, сказав:

– Подчиняюсь. Мамуля, что у нас на ужин?

– Я приготовила мясо под шубой, как ты любишь, – сообщила Лора. – И Тимочка любит мясо под...

А тут и Тимочка появился, кинулся к Павлу:

– Папа!

Потрясающе тупая ситуация, самая крутая мелодрама отдыхает. А состояние неловкости перед ребенком – это тяжелая пытка, тянет на дикарский поступок, хочется разгромить в квартире все: разбить посуду, переломать мебель, а Лору... У-у-у... Лору хочется выкинуть в окно, чтоб она летела вниз головой и не улыбалась умильно. Вместо агрессии Павел присел перед мальчиком на корточки и, не умея разговаривать с детьми, объяснился с ним по-взрослому:

– Послушай, парень, у меня очень много работы, приходится срывать с места, когда вызывает начальство. Извини, друг, что прошлый раз не удалось нам пообедать...

– Позавтракать, – поправил его мальчик.

– Точно? – смутился Павел, а Тима закивал, мальчик все помнил. – Так давай поужинаем вместе?

Тимофей порывисто обнял его за шею... Нет, это не мелодрама! Это самая настоящая трагедия будет, когда ребенок узнает, что мама (родственница гадюки) его обманула. Павел взял Тиму за руку и повел сначала в ванную, руки-то обязательно надо мыть, потом весело ужинали, Лора (стерва) принимала активное участие в их разговорах, шутила (глупо и неуместно), смеялась, действуя на нервы Павлу. Зоя Артемовна молча ужинала, попеременно переводя безучастный взгляд на весельчаков, она же первой и встала из-за стола, ушла в свою комнату. Тем временем Тима рассказывал про комп, ведь папа интересовался, во что он любит играть, мальчик его поправил:

– Я, папа, не играю... ну, так, иногда. Я изучаю.

– Неужели? Тогда покажи, что ты там изучаешь.

Мальчишка сорвался с места и бросился за компом. У Павла мимика переменилась, он исподлобья уставился на Лору, но у нее чутье, как у змеи перед землетрясением, она убирала посуду и мыла ее, на него не смотрела, но спросила:

– Как тебе наш сын?

– Забавный мальчишка, – произнес он. – Интересно, в кого он такой башковитый?

– В тебя. – Лора повернулась к нему, заговорила с сожалением: – Я не претендую на ум, если бы умной была, не потеряла бы тебя.

– Мне повезло, что ты не была умной, – кольнул ее он. – Но у меня нет способностей ни к технике, ни к математике, ни к наукам. Я заурядный следок.

– Но ты тоже занимаешься вычислениями, – возразила Лора.

– Логично. Но у меня другой принцип...

Не удалось ему поведать о принципах своей работы, впрочем, она и так поняла, что не верит он в свое родство с Тимой, вбежал мальчик. Он по-деловому поставил перед ним ноутбук, делаясь с папой грандиозными планами:

– Ноут старый, но железо классное, надежное. Я, папа, учу языки программирования...

– А что, в этом возрасте изучают эту сложную систему? – обалдел Павел. – Не рановато ли?

– У нас для вундеркиндов есть специальные кружки, – заступилась за сына Лора. – Тима поступил туда без труда, там ему и помогли освоить компьютер, но языки пока не учат.

– Я сам нашел в интернете уроки, – перебил ее Тима. – Мне Артур помогает. Это наш сосед, мама меня на него бросает, когда надолго уходит. Артур в свой комп смотрит, а я в свой, кругом дружба.

Павел только за щеку взялся: бедный ребенок, у него нет детства. А Тима между тем показывал программы, в которых так называемый папа ни бум-бум, мальчик реально увлечен, уже видно невооруженным глазом, в чем его призвание. Трудно было уложить Тиму в постель, и Павел, надо признать, устал от общения с ним, в своей комнате он завалился на кровать со стоном облегчения. Мальчишка действительно забавный, неугомонный, очень старался понравиться. И Павел вспомнил себя в детстве, как ждал, когда его родной папа бросит свою красивую тетку и вернется домой, но бросила отца новая жена. Назад он не просился, да и мать мысли о возврате мужа не допускала... как же все нелепо и одновременно болезненно для всех получилось.

– Павлик, ты не спишь?

К счастью, это не Лора, не расположен он к общению еще и с ней, это мама вошла, заведя свет от лампы на полу в щель двери, вошла как шпионка – на цыпочках. А Павел смотрит в потолок, даже не повернул голову. Зоя Артемовна присела на край кровати, вздохнула и погладила сына по руке со словами:

– Тима быстро к тебе привязывается, может, не стоит ему так много уделять внимания?

– Мама, я хочу подружиться с ним. Тима ребенок, его легко заставить откровенничать, так он расскажет о Лоре.

– Но это обман, детей обманывать грех.

– По-твоему, я не должен знать, что за этим сюрпризом кроется?

– Ладно, как знаешь. Поскорей разберись с этой... иначе твоя мать попадет в дурдом. В дурдом не хочу, значит, сбегу из дома. Спокойной ночи, сынок.

Да уж, заснешь тут спокойно, когда голова забита вопросами, требующими немедленного решения, но это невозможно. Предстоит тяжелая работа, но с чего начать, чтобы ускорить ее? Павел читал записи отца, у него были закрученные дела, он вел не то чтобы дневник, но записывал течение работы, вероятно, чтобы не забыть мелочи, благодаря которым обрастает скелет расследования. Читал, надеясь добыть что-нибудь полезное...

– Павлик, извини, ты же не спишь.

Он опустил толстую тетрадь на живот, не взглянув в сторону Лоры, проворчал, правда, с усмешкой:

– Опять без стука? Мы с тобой все точки расставили или нет?

– Я не за точками пришла, а вот...

Пришлось посмотреть, что она там показывает – конверт.

– Что там? – спросил он.

– Результат анализа ДНК. Подтверждение, что Тимочка твой сын.

– Чего-чего? – Павел сел на постели, с неподдельным интересом уставившись на это чудо безбашенное. – Не помню, чтобы я сдавал материалы на тестирование ДНК.

– А я тайком добыла, когда Тимочке было чуть больше года, – призналась Лора, несколько не раскаяваясь. – Ты еще не уехал из города, где мы были по-своему счастливы, я

попросила кое-кого, не буду называть имена, помочь. Знала, что однажды придется показать тебе ребенка, знала, что не поверишь, тогда нужно показать бумажку, раз родная кровь молчит.

С трудом Павел обуздал эмоции и взял себя в руки, не хватало, чтобы она видела его растерянность, умноженную на злость, от которой не застрахован самый выдержанный человек. Лора недостатки партнера берет на вооружение и потом с изощренным коварством манипулирует жертвой, поражая слабые места. Павел взял конверт, прочитал и поднял на нее глаза, размышляя, какую бы реакцию изобразить для пользы дела, решил остаться бесстрастным:

– Почему сразу не показала?

– Чтобы ты не подумал, будто я шантажировать тебя приехала.

– А ты знаешь, что эта бумажка не имеет никакой юридической силы? Я должен был сам сдать биологический материал для тестирования.

– Знаю, – беспечно ответила Лора. – Но я же не собираюсь подавать в суд на алименты, мне только нужно было доказательство, что...

– Я слышал, слышал, – сворачивая лист и засовывая его в конверт с явным видом растерянного шкодника, произнес Павел. – Чего ты хочешь?

– Ну, того, чего хочу я, не хочешь ты...

– В таком случае, я принял к сведению, – протянул он конверт, мол, доказательство убедило меня, затем небрежно протянул ей. – Свободна.

Она забрала конверт и двинула к выходу, у двери остановилась, повернувшись к нему, попросила:

– Будь хотя бы к Тимочке поласковой.

– К нему буду, к тебе – нет.

Когда Лора ушла, он лег на спину и еще долго обдумывал планы: с Тимоей не стоит торопиться, тут времени навалом, лишь бы у мамы хватило терпения. А вот с Феликсом дело обстоит хуже, следовало придумать, как подать улики, однако сейчас главное – дожидаться результатов вскрытия, но это минус время.

Поход к родителям убитого ничего...

...не дал, они в полном недоумении, растерянности и в состоянии горя. Сейчас именно у них находились дети, отец Веры привез, так как его жена попала в больницу с гипертоническим кризом, о смерти отца и матери детям пока не сказали. Ребята вернулись в машину, Вениамин предложил выпить чаю из термоса, налил себе и Жене Сорину в одноразовые бумажные стаканчики, тут вдруг звонок.

– Да, Алина? – сказал Вениамин, нажав на панельную кнопку, включив громкую связь.

– Веня, я хакнула трубу Руслана, приезжай.

– Молоток, – скупно похвалил он, выплеснув чай за окно. – Мы едем.

Алина – миниатюрная, как статуэтка, с тоненькой талией, хорошенькая, с глазами синими и круглыми, с гофрированными волосами стального цвета – ее только на витрину в отдел игрушек поставить и любоваться. А по мнению Жени, это черт в юбке, а не девушка, с ним согласны практически все, даже Вениамин. Однако если бы не он, девчонке точно светила колония, способ заработка у нее своеобразный был, например, под колеса бросалась и корчилась, будто ее автомобиль переехал и вот-вот она умрет, но за некоторую сумму, так и быть, соглашалась умереть дома. А если серьезно, Алину спасли от рабства: ее, синеглазую блондинку, преступная группа из уважаемых людей намеревалась продать в рабство в одну из арабских стран.

Вениамин взял над ней шефство, то есть в ежовые рукавицы (а может, Алина его взяла в оборот, по мнению Жени), он привозил из деревни еду для нее и бабушки, воспитывал. Терехов и Феликс устроили ее на работу к сисадмину УВД Левченко, а в этом году она получила диплом программиста – во как! И лишний раз подтвердила, что имеет склонность к преступному миру, к счастью, работает теперь, как выразился высокопарно Женя, на благо нашего

любимого общества. Алина сидела в отдельном кабинете, заваленном железом (детальями) и разного рода аппаратурой, увидев ребят, подскочила:

– Веня! Ой, Жека, привет.

– Дюймовочка (так прозвал ее Феликс за компактность), я не собираюсь любоваться тобой и Веником, вы будете обниматься, а я от зависти засохну. Давай трубу убитого и выписку.

Алина подхватила со стола смартфон и показала ребятам:

– Опля! Шарьте теперь в этой трубе. Когда мы получили доступ к ней, все оказалось открыто: два аккаунта в разных браузерах, социальные сети, ваш Руслан использовал все для работы, по мне так ничего интересного: переписка с заказчиками, в соцсетях реклама его работ, короче, сами увидите. Но не радуйтесь, это в телефоне. Есть три почтовых адреса в его визитке, к ним пока доступа нет, я так понимаю, он открывал эти адреса только на компе, но в браузере ваш убитый отключил функцию паролей, так что вскрывать придется. А трубку жены так и не нашли?

– Нет, – сказал Вениамин.

– По контактам найдете номера жены, потом сделаете запрос в центр связи. Правда, это будет долго, они сейчас противные стали. Недавно нашему начальнику пришлось поднять хай, чтобы выдавить из жлобов распечатку базара двух козлов, у нас прослушка полетела.

– Боже, пошли мне девушку, – закатил Женя глаза к потолку, – чтобы она была такой же прекрасной, как Алина, но не выражалась, как дворник после бодуна.

– Хм! – фыркнула она, ничуть не обидевшись, привыкла. – Веня, ты заедешь за мной?

– Постараюсь, – направляясь к выходу и при этом изучая контакты в смартфоне убитого, бросил он. – Сорняк, хватит пялиться на мою Алинку, за мной!

Он вышел, а Сорин задержался, чтобы шепнуть девушке:

– Я ослышался? Он впервые сказал «моя Алинка» при мне.

– И я услышала впервые.

– Ну, считай, ты его добила. Только речь свою отрихтуй, а то родителей Веника своим базаром до инфаркта доведешь.

– Будь спок, я при них молчу.

– Женька! – позвал Вениамин из коридора.

– Лечу! – В машине он поинтересовался, видя, что коллега не отрывается от телефона Руслана: – Что нашел?

Вениамин водил пальцем по смартфону, ничего не говоря, наконец положил его на липучку у лобового окна и завел мотор.

– Почту мельком просмотрел во всех браузерах. Писем много, читать придется долго. Есть еще мессенджеры, соцсети и прочее. Как у людей хватает времени все это переваривать, да еще и работать? Давай сейчас и займемся трубой Руслана, нужно прозвонить контакты, выяснить, кто из них нам нужен. Еще бы и компьютер...

– А поехали ко мне? – предложил Женя. – У меня никто не мешает: родители на работе, малявка если не в школе, то в кружке, бабушка накормит.

– Заметано, едем к тебе.

Как ни спрашивалась Лора, как ни ухищрялась,

...а ее в торговый центр Павел с Тимой не взяли, сын заявил:

– Мужчинам необходимо отдыхать от женщин.

– Что?! Как ты сказал? – обалдела заботливая Лора. – Пашка, это от тебя Тимофей набрался пошлятины?

– Мы ушли, – оставил ее без ответа непробиваемый Павел, нахлобучив на голову Тимы шапку, которую купил недавно вместе с теплой курткой.

Форсируя дружбу с мальчиком, Павел начал с того, что на следующее утро, как увидел результат ДНК, разбудил ребенка и предложил пробежаться по парку. Тима подскочил с постели, хлопая сонными глазенками, а Лора встала на дыбы:

– Я против. Уже холодно, Тимофей нетренирован, он домашний ребенок, застудит легкие от твоего бега...

– Мама, ну, пожалуйста... – умолял Тима.

– Не понял, почему ты не хочешь отпустить сына со мной, а? – строго спросил Павел, показывая всем своим видом, что сердит.

– Я сказала причину, – огрызнулась Лора.

– Это отговорка. А причина какая?

– Ты понятия не имеешь, что такое больной ребенок.

– А мне кажется, ты боишься. Чего?

Провоцировал он намеренно, наслаждаясь про себя беспокойством Лоры, которое она с трудом почему-то скрывала. Естественно, у Павла рождались всякого рода подозрения, в сущности, необоснованные, ведь любое обоснование должно на чем-то базироваться, а улики пока у него нет, тем не менее в голове крутились версии одна нелепее другой. В прошлом на него будто морок нашел, крышу сорвало на почве то ли безмозглой любви, неспособной рассмотреть истинную натуру предмета обожания, то ли Лора, как говорят деревенские старухи, похожие на ведьм, опоила его зельем. Самое смешное: Зоя Артемовна склонялась к диагнозу, поставленному старушенциями, однако всякое зелье имеет срок годности, отравы Лоры давно перестала действовать.

– Ты в адеквате? – тем временем шипела она. – Холодно!

– Температура плюсовая, плюс три градуса.

– Для тебя! Но не для ребенка! Не пуцу.

Помог великий айтишник (в будущем, разумеется), он разревелся, как простой ребенок (а не вундеркинд) детсадовского возраста, размазывая кулачком слезы по щекам. Лора сдалась, но заставила сына выпить горяченького молока, замотала его шею и половину лица шарфом, потребовала, чтобы во время прогулки Тима не открывал рот, не разговаривал, дышал только носом. И пригрозила пальцем Павлу:

– Не смей нагружать Тиму, он не ты! Пусть просто ходит.

Что ж, понять ее несложно даже ему, Лора с типично материнской заботливостью опекала мальчугана, беспокоясь о его здоровье, да она растерзает Павла, если Тимофей заболит. Он и не трогал ребенка, не нагружал, намеренно не расспрашивал да и не планировал мучить малыша расспросами – зачем? Всему свое время. Ему нужно, чтобы Лора успокоилась, поверила, будто убедил Павла, что это его сын, хотя... он уже сомневался, что Тима не его. Понимал: это невозможно, и... сомневался. Короче, она обязательно устроит дознание ребенку, и что Тима скажет мамочке? Ничего. Главное – усыпить ее бдительность на первый раз, на второй, третий и, набравшись терпения, даже на четвертый. Только таким образом можно убедить ее, что он поверил: Тима его ребенок.

И да, постепенно Лора стала отпускать мальчика с Павлом, не опасаясь, что ребенок наболтает лишнего, для нужного результата времени понадобилось не так уж много. Занимался Павел и расследованием, черную работу делали Вениамин с Женей, а они с Феликсом пытались разобраться с отпечатками, но оба застряли на первоначальном этапе, однако надежды не теряли и выстраивали оборону.

Настал день, когда договорились встретиться с Антоном Кориковым, он готов дать ответ насчет мальчика и устно рассказать о вскрытии, так как акт еще не написал. Да к черту эти бешеные акты, Антоша ко всем своим достоинствам первоклассного эксперта обладает еще и даром писательства, вместо нормального акта на пару страниц приносит папки с описаниями размером с книгу.

День выдался удачным, в смысле – когда можно заняться и своими проблемами, встречу назначили в торговом центре. Попутно Павел решил захватить Тиму, бедный ребенок торчит целыми днями за компом, Лора к его увлечению относится легкомысленно. Однако речь пойдет не только о тестировании, но и о друзьях Феликса, его тоже позвал.

Мальчишку спланировали к аниматорам с условием, чтобы развлекали его до тех пор, пока они за ним не придут, конечно, за дополнительную плату. Сами устроились в дальнем кафетерии, сюда в это время мало кто заходит. После заказа кофе, булок с повидлом и минеральной воды, когда официант отошел, Феликс приступил к допросу:

– Это что было? Почему мальчик называет тебя папой?

Не имело смысла скрывать, впрочем, Павел и не собирался. Он честно рассказал, какую коварную интригу затеял против Лоры, для этого и взялся за исполнение роли отца.

– Почему я ничего не знаю? – задал закономерный вопрос Феликс. – Мы как будто друзья... или нет?

– У тебя без меня проблем полно. Сейчас Кориков придет и... А вот и он. Антон! – поднялся Павел и махнул рукой.

Всклопоченный Кориков плюхнулся на стул, он явно бежал, так как опаздывал, достал платок, вытер лоб и произнес первое слово:

– Воды.

Феликс налил ему в стакан минеральную воду, тот залпом выпил и растянул рот в счастливой улыбке, отсюда и была закономерная фраза Павла:

– Ты, я вижу, с хорошими новостями.

– У меня всегда только хорошие новости, – заверил Антон.

– Ха, у него хорошие новости! – мрачно усмехнулся Феликс и, как обычно, обратился к нему по имени-отчеству: – Антоша Степанович, говори результат.

– Хорошо, – согласился тот, любивший выложить подробности для убедительности. – Итак. Вы, Павел Игоревич, хотели знать, является ли вам сыном Тимофей. После проведенных исследований, можно сказать, что...

Коноплева вошла в кабинет Огнева, он...

... сидел к ней в профиль за компьютером, увидев Ольгу, предупредительно вскинул руку – жди, не мешай ни в коем случае. И быстро застучал по клавиатуре, а Ольге от скуки ничего не оставалось как пройтись по так называемому кабинету. Здесь неинтересно, полки-полки-полки по стенам и столы, все завалено приборами, деталями, словно это кладбище убитой техники или ремонтная мастерская, а не кабинет криминалиста. Удивительная безалаберность, а ведь Огнев на хорошем счету в городе, к нему бегут с проблемами все, кому нужна качественная экспертиза.

– Извини, Оля, у меня программа запущена, если прервать, все нужно начинать сначала, теперь она считает, а я к твоим услугам.

Ольга крутанулась на каблуках, развернулась и подошла к столу Огнева. Тридцать лет для незамужней женщины почти катастрофа: не вышла замуж и уже не выйдет никогда, если не считать редкие исключения, которые по иронии судьбы никому не встречались. Ольга крупная на вид, нет, вовсе она не полная, а именно крупная – что рост, что тело, со строгой внешностью, выглядит старше, возможно, это из-за прически такое впечатление: волосы зачесаны назад и собраны в пучок. Прическу меняла на легкомысленную стрижку, выглядела глупо, вернулась к прежнему пучку на затылке.

Что еще... глаза рыбы. После того как видишь ее глаза, другие черты размываются, они не привлекают красотой, а отталкивают стеклянным блеском. Оля не красавица, страшенькой тоже несправедливо ее назвать, скорее, симпатичная, если бы... не стержневой характер, который отпечатывается на лице.

Не так давно она работала на месте Корикова Антона, славилась некомпетентностью, ее прикрывал профессор Покровский, вынужден был исправлять брак, мало кто рвется препарировать трупы, поэтому Леонид Львович берег то, что было. Однажды она неожиданно для всех очутилась в СК на ставке следователя, вызывая недоумение, каким образом Оля из морга скакнула в следователи? Самое паршивое – место следователя обещали Феликсу, когда он получит диплом – учился заочно, но его прокатили из-за Коноплевой. Прикрепили ее к группе Терехова, сама напросилась, теперь успешно портит кровь ребятам.

– Станислав Петрович... – начала она вкрадчиво, вместе с тем с толикой угрозы, ибо поняла: раз в его глазах застыл немой вопрос, значит, он забыл о ее просьбе, а это недопустимо. – Вы, конечно, не сделали сравнительный анализ кусочков ткани.

Ее просьбы зачастую игнорировали, потому не вопрос прозвучал, а утверждение, на что Огнев улыбнулся безобидной улыбкой:

– Конечно, сделали. Не я, но под моим контролем делал Марунич Стас. Да, он молод, но трудолюбив.

– Как мне, так молодняк, да? Который ничего не умеет?

– Уже умеет, – поднимаясь, сказал Огнев. – Жди. Сбегаю в лабораторию к нему и принесу результаты исследования. Я мигом.

Оставшись одна, Ольга, оглядывая кабинет, повздыхала, покачала головой в знак неодобрения, затем подошла ко второму столу (без монитора), стоявшему у окна, на нем тоже бардак, но посередине лежала папка. Небрежным движением Ольга открыла ее, прочла несколько строк и вытаращила глаза. Страницы скреплены обычной канцелярской скрепкой, Ольга подняла верхнюю... до чего же занимательное чтение попало на глаза!

– Вот твои бумажки... – Вбежав, Огнев застыл, застукав Ольгу за чтением его документов. Он рванул к ней и закрыл папку. – Как ты посмела? Кто позволил тебе читать результат моей экспертизы?

– Ну, раз лежит папка на столе, в ней нет ничего под знаком «секретно». – Она бесстрашно пошла в атаку.

Огнев не дал ей договорить, едва сдерживая порыв влечь ее по уху (нельзя, все же женщина, но очень хочется), прервал ее грубо:

– Да хоть на голове, на абажуре, твое какое дело! Это возмутительно! Ты не знаешь правил?

– Выходит, вы не знаете правил. Если это важные документы, которые никто не должен видеть, – вон сейф, почему они не там?

– Потому что у нас работают порядочные люди! – рявкнул он, что ему совершенно несвойственно, но вывела. – Они никогда не залезут в чужие папки.

Чтобы ее пробить, надо иметь пушку, как у танка, да и то Коноплеву вряд ли пробьет, она железобетонная и как провокатор стала, едва поменяв статус с медэксперта на следовательскую ксиву. Оля нисколько не стусевалась, попавшись на месте преступления, напротив, взяла тон начальника цеха башмачной фабрики, ткнув в папку пальцем, отчитала человека, о котором ходят легенды:

– А кстати, Станислав Петрович, вы должны были давно отдать результат в следственную группу. Получается, вы покрываете преступника?

– Я не обязан давать тебе отчет! – процедил гневно Огнев сквозь зубы. – Получи свои бумажки и до свидания.

Никогда его не видели таким резким и грубым, он же добряк, оптимист по жизни и хохотун, всякое недоразумение не составляет для него проблемы, Станислав Петрович способен уладить казус парой слов, а тут не захотел. Он сел за стол, положил ладонь на папку, через минуту открыл и просмотрел листы – все целы, но так погано на душе... не передать! Так испортить ему настроение никому не удавалось, кроме Ольги, недаром Феликс награбил ее

кличками – Марихуана Гашишевна, что значит – отрава. Сунуть нос в святая святых... это верх наглости, граничащей с подлостью.

– И долго ты будешь молчать?

Феликс смотрел на Корикова исподлобья, сама его поза – ладони на столе, локти оттопырены в стороны – требовала немедленного ответа. Деликатный Антон, почесывая подбородок, попытался оправдаться:

– Я же не знаю, какой результат хочет Павел Игоревич, вдруг для него мое сообщение станет огорчительным? Вот и думаю, как подать...

– А ты подавай в лоб, – посоветовал Феликс. – Ты же не к опознанию трупа готовишь несчастных родителей, тут дело более простое.

– Как сказать... – пожал тот плечами.

– Ладно, Антон, не тяни, – приказал и Павел, но без нажима. – Меня устроит любой ответ.

– Ладно, – сдался Корилов. – В общем, мама Тимы обманула вас, он не ваш сын. А вы хотели, чтобы мальчик...

– Чтобы было так, как есть, – перебил его Павел, улыбаясь.

Да чего уж, результат принес ему облегчение, словно гора с плеч свалилась, но это не конец, а только начало. Павел выпил воды, с минуту думал и обратился к Корикову с новой просьбой:

– Отлично. Но раз так... давай-ка еще сделаем один анализ, теперь нужно протестировать его мать.

– Ее-то зачем? – изумился Антон.

– На всякий случай, чтобы наверняка знать: Лора привезла своего сына, – подчеркнул слово «своего» Павел, – а не украла ребенка.

– Украла ребенка? – вытаращился Антон. – Как так?

– Я не утверждаю, – пошел на попятную Павел, видя ужас в глазах Корикова, парень еще плоховато знает, в какую систему вошел. – Но допускаю. Нет, мальчик не похож на украденного, он послушный, общительный, а не забитый, Лору нисколько не боится... И все же мне не нравится сюрприз, что-то в нем неестественное, постановочное. Короче, за этой вывеской хочу посмотреть на изнанку, очень я любопытный стал... до неприличия. И недоверчивый. Тем более моя недоверчивость получила веский повод, верно?

– Да куда уж вернее, – вставил Феликс. – Зачем ей понадобилось врать? Что она задумала? Неспроста же устроила эту подставу.

– Павел Игоревич, на вас и Феликса негативно действует работа, – поставил диагноз Антон. – Вы сталкиваетесь с определенным контингентом, а это люди, отступившие от правил, с психическими отклонениями. Поэтому в каждом человеке, который отмечен минусом в прошлом, видится монстр в настоящем.

– Только не в данном случае, Антоша. – И дальше Павел объяснил, наверное, больше себе, чем ему: – Видишь ли, подобные люди не меняются, они лишь совершенствуют свои порочные качества, это я из личного опыта усвоил. Сам посуди, Антон, каждый преступник знает список, чего нельзя делать: мошенничать, обижать стариков и детей, похищать людей, воровать, убивать. Но все это делается с верой, что пронесет, причем изобретаются новые приемы достижения цели, порой совсем безумные, граничащие с идиотизмом.

– Она доставила вам много неприятностей, – догадался Антон.

Не хотелось Павлу возвращаться в прошлые ошибки, хотя все, казалось бы, забылось и пылью покрылось, но сколько бы времени ни прошло, стоит вспомнить – это всегда неприятно. Вдруг сразу просыпается некий комплекс, он ощущает свою неполноценность, во всяком случае, с ним именно так. Глупо. Но и другое понимал в данную минуту: когда обращаются с деликатной просьбой, обязаны доверять. Он отделался кратким наставлением и с добродушной улыбкой:

– Я получил по заслугам, Антоша, глупость сама себя наказывает. А я был дурак зеленый, не слушал окружающих, которые меня предупреждали, ну, как обычно в таких случаях поступают взрослые, видя тупость детей. Что мы с Лорой слишком разные, что не стоит нам быть вместе, советовали хорошо подумать. Кстати, тебе наука: старших надо слушаться, они знают жизнь, видят дальше.

– Заметано, я обучаем, – почти поклялся Антон, даже пухлую ладонь приложил к груди.

– Вот и хорошо. Мне необходимо выяснить все детально, чтобы сделать выводы. Если мое чутье меня не обманывает, ты представляешь, в какой опасности мальчик? Ему в январе исполнится семь лет, впереди школа, а это большие траты и масса времени уйдет на ребенка. Станет Лоре не нужным – что будет с ним? Своего сына она, конечно, никуда не денет, хотя всякое случается в жизни, надеюсь, не до такой же степени она дрянь. А вот чужого ребенка, полагаю, выкинет по дороге отсюда или чего похуже придумает, если он станет ненужным.

– Ясно, понял, – закивал Антон. – Взять материал не так сложно, как кажется, сложность в том, чтобы комар носа не подточил.

– Комар носа не подточил? Смешное выражение, – сказал Феликс, при этом даже не улыбнувшись.

– Мой прадед так говорил, когда дело должно быть сделано на пять с плюсом. Кубанский казак он был, знал много присказок, пословиц, я собирался записать, но... не успел, дед умер. Все надо делать вовремя, а не откладывать на потом.

Вот тут Антоша тысячу раз прав, но кто знает, где поджидает это самое – «вовремя», как бы не ошибиться, чтобы слово «потом» не пугало.

– У мальчика я взял биоматериалы во время игры, он не заметил, – принялся рассуждать вслух Кориков. – У матери таким образом не получить, значит... Вы сами можете это сделать, я только дам вам пакеты.

– Понятно, – слегка кивнул головой Павел. – Как это сделать и что надо у нее взять? Лора не Тима, а я не ты, не могу залезть ей в ухо, играючи, потом в рот, чтобы сделать соскоб со щек.

– Само собой, – согласился Антон. – ДНК можно выделить из ногтей, дают очень высокий показатель – 93 %.

– У Лоры искусственные ногти, – возразил Павел. – А если настоящие, мне как – пробраться ночью и срезать?

– Да, вы правы, – согласился Антон. – Тогда из нестандартных биоматериалов подойдет зубная щетка, волосы... Но волосы с корешками, вырвать надо. Делается это очень просто: при подходящих обстоятельствах якобы задеваете волосы, извиняетесь... Или пусть пожует жевательную резинку... Или фрагмент одежды с потожировыми... Носовая слизь на салфетке... гигиеническая прокладка...

– В мусорное ведро лезть за салфеткой и прокладкой? – поинтересовался Феликс. – Давай так, Антоша Степанович, напиши список и скинь Терехову на почту, а он дома будет ловить момент. С этим ясно, теперь скажи, что с Верой?

За пару секунд до вопроса Феликса зазвонил телефон Павла, он поднял ладонь, мол, помолчите оба, и сказал в трубку:

– Да, Станислав Петрович?

Дальше Павел слушал молча, не бросая реплик, по которым можно догадаться, о чем идет речь, в кафе не включишь громкую связь, особенно если звонят по работе. Однако по напряжению и его взглядам на Феликса стало понятно, что говорит Огнев о нем. Кажется, что-то случилось, по выражению лица Терехова – нехорошее. Наконец Павел сказал всего одну фразу:

– Вези сегодня, мы скоро будем. – Павел положил смартфон на стол и обратился к Антону: – Так что там с женой убитого?

Домой Павел попал поздно, но сюда он...

...и не торопился в последнее время: с появлением Лоры стало как-то неуютно в квартире. Она и встретила его, словно любимая жена, которая выглядывала в окошко, высматривая мужа, потому, только лишь завидев, прибежала в прихожую. Каково же было ему, открыв ключом дверь, столкнуться нос к носу с Лорой.

– Тимоша ждал тебя, но заснул, – доложила она, помогая повесить куртку и шарф в шкаф. – Боже, сколько восторгов после торгового центра, все уши прожужжал, за мной ходил и пересказывал по десять раз, даже компом мало занимался. Мой руки, а я подогрею ужин.

М-да, у него все козыри сейчас побросать ее вещи в чемоданы и выставить вон за обман, но он этого не сделает. Ложь должна быть наказана, и она будет наказана. Павел пришел на кухню, а там как в ресторане: салфетки, ножи-вилки, бокалы, свечи... на кухне! Весьма приятельная романтика рядом с кастрюлями на плите. Садясь за стол, Павел вдруг вспомнил:

– А где мама?

– Ой, забыла сказать, прости, – зашебетала Лора. – Она не будет дома ночевать, приятельница вот-вот родит... Зоя Артемовна боится оставлять ее одну. Зовут приятельницу, как я поняла, Тамарой... деревенское имя, правда?

– Обычное. Царицу древней Грузии тоже звали Тамарой.

– Правда? – Подхватив блюдо, Лора положила ему кусок. – Мясо по-бургундски: стейк в винном соусе, грибы, овощи. Вина налить?

– Ну, давай.

– А почему подруга Зои Артемовны одна? – наливая вино в бокалы, спросила Лора. – Где ее муж?

– Муж погиб, я занимался этим делом.

– Боже, какой ужас. Давай выпьем? – Чокнулись, выпили. – Но какая у тебя благородная работа... Расскажи, что это было за дело, почему погиб муж Тамары?

– Тема не для ужина, – отговорился Павел.

– Жаль, а мне очень интересно, как ты управляешься, какие у тебя успехи или неудачи. Не думала, что ты станешь следователем, почетная должность.

– Но платят немного.

– Не все меряется деньгами.

Павел едва в голос не рассмеялся: Лору не интересуют деньги? Да Лора ли напротив сидит, не двойник ли ее? Некоторое время ели молча, она продолжила:

– Как тебе наш сын?

Он улыбнулся, а про себя подумал: «Негодяйка». А далее был краток, как и всегда, когда общался с ней:

– Хороший парень.

Лора затрещала, нахваливая мальчика, какой он исключительный, умный, его все любят, Тимочка весь в папу (в какого – вот вопрос). Любопытно, к чему она подготовила этот монолог, полный лестии? Долго ждать не пришлось, после увертюры началась основная часть:

– Павлик, ты же видишь, что я изменилась. Да, я приехала с определенной целью, я хочу вернуть тебя...

– Лора, это лишнее, мы же договорились.

Он поднялся и хотел выйти, но она перекрыла собой путь, встала напротив и вдруг, захлебываясь слезами, зачастила:

– Не уходи, послушай. Наш сын... Тимочке нужен отец. Я ему много рассказывала о тебе, он полюбил тебя заочно. И я люблю тебя. Поверь, пожалуйста. Павлик, мне очень плохо без тебя, я была душой, не знаю, что мною руководило, внутри как демон сидел, я таких последствий не хотела, но вела себя как идиотка... Мне так стыдно... Давай попробуем еще раз... ради Тимы, ты ему нужен... и мне очень нужен.

Любящий человек может так лгать? Нет. Это либо обезумевший эгоцентрик, либо расчетливый и коварный субъект, имеющий определенные и вполне приземленные цели, так вот Лора способна соединить обе позиции. А почему бы ему не вооружиться ее же тактикой? Она лжет – и он будет лгать, это совсем несложно. И Павел провел ладонью по ее волосам, затем уронил руку вниз и проникновенно произнес, словно его что-то мучает:

– Тима очень похож на меня (Лора часто закивала), только я не вундеркинд. Мне сложно быстро перестроиться, ты же помнишь: я тугодум. Подожди немного, может... может, как-то и срастется, а пока... я не готов.

– Павлик, родной, у нас сын, он объединит тебя и меня! – пылко заверила Лора. – Я согласна ждать сколько потребуется. Все у нас будет хорошо, поверь.

И черт возьми, она так убедительна, так искренна и так воодушевилась... Павлу осталось биться головой об стенку, порицая себя за черствость, но он между тем думал, улыбаясь ей: «Лживая мерзавка. Тебе хочется объединиться, это я понял до твоего сегодняшнего заготовленного монолога, но зачем? Больших денег у меня нет, дома не бываю, муж из меня далек от идеала, что же тебя притянуло сюда?» Итак, хрупкую надежду Павел ей дал, кажется, ему удалось усыпить бдительность, значит, и у него тоже есть надежда, что со временем он обязательно поймает ласточку залетную.

На совещание вызван и Огнев.

Собственно, это не совсем совещание, больше похоже на пятиминутки, эдакие летучки, когда начальник контролирует течение дел, чтобы увидеть общую картину. Устраивается данное мероприятие не так уж часто, ведь каждый без совещаний бежит к начальству с проблемами, на этот раз перерыв между летучками был маленький.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.